

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Периодическое издание

Выпуск № 3

2023 год

ISSN 2587-6023

ГБОУ ВО
«Донбасская аграрная
академия»

МАКЕЕВКА

2023 год

ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия» приглашает к сотрудничеству студентов, магистрантов, аспирантов, докторантов, а также других лиц, занимающихся научными исследованиями, опубликовать рукописи в электронном журнале «Правовая позиция».

Основное заглавие: **Правовая позиция**

Место издания: **г. Макеевка, Донецкая Народная Республика**

Параллельное заглавие: **Legal position**

Формат издания: **электронный журнал в формате pdf**

Языки издания: **русский, украинский, английский**

Периодичность выхода: **1 раз в месяц**

Учредитель периодического издания: **ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия»**

ISSN: **2587-6023**

Редакционная коллегия издания:

1. Сынова Елена Михайловна – доктор юридических наук, профессор, ГБОУ ВО «Донецкий национальный университет».
2. Моисеев Александр Михайлович – доктор юридических наук, профессор, ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия».
3. Лукина Ирина Михайловна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
4. Кинаш Ярослав Иванович – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
5. Горбатый Роман Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
6. Терзи Елена Станиславовна – кандидат исторических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
7. Рыжкова Елизавета Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
8. Губарь Ольга Михайловна – кандидат философских наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
9. Герасименко Ирина Николаевна – кандидат экономических наук, доцент ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
10. Смирнов Андрей Анатольевич – кандидат юридических наук, доцент ГБОУ ВО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе ДНР»
11. Завгородняя Анастасия Александровна – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская юридическая академия»
12. Пефтиев Олег Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ГБОУ ВО «Университет экономики и торговли им. Михаила Туган-Барановского)
13. Балко Елена Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, ГБОУ ВО «Донбасская аграрная академия».
14. Мурашев Александр Васильевич – кандидат юридических наук, доцент, ВНИИ МВД России (г. Москва).
15. Сирик Марина Сергеевна – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», филиал в г. Тихорецке.
16. Шошин Сергей Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».
17. Вестов Федор Александрович – кандидат юридических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Выходные данные выпуска:

Правовая позиция. – 2023. – № 3 (39).

ISSN 2587-6023

9 772587 602007 >

**ОГЛАВЛЕНИЕ ВЫПУСКА
МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО
ЖУРНАЛА «ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ»**

**Раздел «Конституционное право, конституционный
судебный процесс, муниципальное право»**

Стр. 7 Мохов А.Ю., Реклер Е.Н.

Понятие и сущность официального толкования Конституции Российской Федерации

**Раздел «Гражданское право, предпринимательское право,
семейное право, международное частное право»**

Стр. 13 Гейдарова Е.Н.

Генетические исследования и право в Российской Федерации: проблемные аспекты

Стр. 19 Губанова А.В., Лукашик В.Е., Князева А.С.

Проблемные вопросы производственного сектора ФСИН РФ

Стр. 23 Мохов А.Ю., Казаченко Ю.О.

Особенности судебной защиты наследственных прав несовершеннолетнего

Стр. 29 Похилько Е.Д.

Современные тенденции и перспективы повышения конкурентоспособности и ее влияние на предпринимательство в Донецкой Народной Республике

Стр. 34 Шумская В.А., Кондратьев М.В., Мамыш М.С., Станковский С.А.

Порядок защиты прав потребителей при дистанционном торговом обслуживании

**Раздел «Уголовное право и криминология,
уголовно-исполнительное право,
уголовный процесс»**

Стр. 39 Борисова Д.С., Воднева Н.Г., Вербнякова П.М.

Общеправовые принципы уголовно-исполнительного права

Стр. 43 Воднева Н.Г., Чикин С.Ю., Цыденова Э.Б.

Медицинское уголовное право как самостоятельная отрасль права

Стр. 46 Володин А.А., Васильев А.М.

Институт уголовно-правовой ответственности в системе институтов уголовного права

Стр. 50 Зайцева О.В., Мерцалова Е.В., Ефименко Е.А.

Скулишутинг: ужесточение уголовной ответственности

Стр. 53 Тетерлева Е.Ю., Радеева А.А., Мельник Е.А.

Профилактические мероприятия, направленные на предупреждение коррупционных правонарушений сотрудниками УИС

Стр. 56 Эйрих И.Е., Леушкин Д.Е., Мельник Е.А.

Воспитательная работа с осужденными, отбывающими уголовное наказание в исправительном учреждении

Раздел «Гражданский процесс, арбитражный процесс»

Стр. 60 Криндач А.Г.

Отдельные направления повышения эффективности гражданского судопроизводства

Раздел «Международное право, Европейское право»

Стр. 64 Мороз Д.Е., Истомина Д.М., Потапенко А.С.

Роль международных организаций в обеспечении международной безопасности в современном мире

Стр. 68 Потёмкин А.Б., Посельский М.М.

«Маленькая коррупция» в тюрьмах франкоговорящих африканских государств и борьба с ней. Реализация данного опыта в России

Раздел «Криминалистика, судебно-экспертная деятельность, оперативно-розыскная деятельность»

Стр. 72 Сидоренко Ю.А.

Использование возможностей интернета для сбыта наркотиков на территории ДНР

Раздел «Административное право, административный процесс»

Стр. 81 Губанов А.В., Юртаева Ю.В., Рябцева С.Ю.

Опыт сдерживания коррупционных преступлений среди сотрудников пенитенциарных систем зарубежных государств и перспективы применения в уголовно-исполнительной системе России

Стр. 86 Кинаш Я.И., Волобуева О.С., Наumenко Е.В.

Разграничения административной и дисциплинарной ответственности

Стр. 93 Котова Т.О., Вылекжанина В.В., Воднева Н.Г.

Независимая антикоррупционная экспертиза

УДК 342.82

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ОФИЦИАЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Мохов Артем Юрьевич, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: amohov@mail.ru

Реклер Евгения Николаевна, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: reklerzena77@gmail.com

Аннотация. В статье на основе положений теории конституционного права определены сущность и назначение официального толкования Конституции. Официальное толкование как особый вид деятельности по интерпретации права одновременно является и правоприменительной деятельностью, так как результатом толкования Конституционным Судом является издание обязательного к исполнению акта, имеющего признаки нормативного.

Ключевые слова: конституционное право, толкование, официальное толкование, обязательность, Конституционный Суд.

Abstract. In the article, on the basis of the provisions of the theory of constitutional law, the essence and purpose of the official interpretation of the Constitution are determined. Official interpretation, as a special type of activity for the interpretation of law, is at the same time a law enforcement activity, since the result of the interpretation by the Constitutional Court is the issuance of a binding act that has signs of a normative one.

Key words: constitutional law, interpretation, official interpretation, obligation, Constitutional Court.

Действующая Конституция Российской Федерации является основой правовой системы, отражающим базовые ценности отечественного общества и государства, устанавливающим основы формирования и деятельности, взаимодействия различных уровней публичной власти. Основополагающий характер конституционно-правовых предписаний предполагает высокую степень обобщения в тексте норм Основного закона, что предполагает их дополнительную трактовку в целях непосредственно применения, издания соответствующих правовых актов, гарантирования её прямыми действиями всеми субъектами правоотношений. Особое место здесь занимают органы конституционного контроля, направленные на защиту положений Конституции – в строгом соответствии не только с фактическим содержанием, но и с «духом» Основного закона.

Конституционное толкование представляет собой разновидность правовой деятельности самого высокого юридического уровня, непосредственно влияющей на всё текущее правотворчество и правоприменение. Как вид правовой деятельности конституционное толкование имеет значение не только для правотворчества, но и для всех форм реализации права, в том числе для

соблюдения, исполнения и осуществления правовых предписаний. Все нормы Конституции Российской Федерации должны толковаться в соответствии с положениями её первой главы об основах конституционного строя. В случае выявления в процессе толкования расхождений между нормативно-правовыми актами и Конституцией, верховенство должно принадлежать основам конституционного строя.

Необходимо отметить, что толкование является основополагающим элементом всей процедуры реализации правовых предписаний, так как уполномоченный орган (либо должностное лицо) не сможет чётко и эффективно, не уяснив для себя окончательное содержание правовой нормы, верно её применить. Особое значение это приобретает непосредственно в ходе применения нормы в целях квалификации деяния, назначения лицу наказания или освобождения от него – в принципе, при любом разрешении юридического спора по существу. В теории отмечается, что необходимость в толковании возникает у уполномоченных субъектов и в процессе правотворчества, поскольку правовые нормы (особенно в пределах одной отрасли или института правовой системы государства) должны иметь единую целевую и идеологическую направленность [1, с. 39]. Разработка и обоснование новых правовых актов предполагает обязательный учёт уже существующего нормативного материала; в случае разрешения предполагаемым правовым актам пробела в правоприменении необходимо чётко определить «пределы» существующего пробела – во избежание коллизий, прямого нарушения общеконституционных принципов, имеющих всеобщее и обязательное действие.

Особое значение в этой связи приобретает толкование Конституции Российской Федерации, поскольку заложенные в тексте конституционного акта принципы и условия распространяют своё действие абсолютно на все правовые нормы, вне их отраслевой принадлежности (что прямо проистекает из свойств высшей юридической силы и учредительности Основного закона) – соответственно, установление точного смысла конституционного предписания будет иметь решающее значение не только в ходе практического применения норм всеми имеющими соответствующие властные полномочия субъектами, но и в процессе принятия иных отраслевых нормативных актов, связанных с ними индивидуальных правовых актов, судебных решений, решений органов государственной власти и местного самоуправления. Е.М. Терехов называет данный процесс «интерпретацией норм Конституции» (правоинтерпретационной деятельностью), результаты которого официальные, принимаются в особом процессуальном порядке, имеют обязательную юридическую силу, выступают основой для принятия не только законодательных актов, но и иных стратегических документов (Доктрин, Концепций, Стратегий и т.д.), непосредственно влияют на состояние текущего правотворчества и правоприменения [2, с. 90]. Конституционное толкование занимает здесь особое место, в том числе, и по причине указания в тексте закона субъекта, исключительно уполномоченного осуществлять официальное толкование норм Основного закона – Конституционного Суда Российской Федерации.

Определяя значение правильного толкования права, необходимо иметь в виду и значительный мировоззренческий элемент, прямо связанный с формированием профессионального правосознания юриста, развитием его

деловых качеств, уровня знаний в юридической сфере. Стоит согласиться с С.С. Алексеевым, отмечающим, что по итогам толкования, а также в его процессе непосредственно сочетаются сами юридические знания, а также правовая культура конкретного юриста: «Искусство толкования есть ни что иное, как вершина юридического мастерства, важнейший пункт практической юридической деятельности» [3, с. 143].

Таким образом, можно отметить, что в результате процесса толкования устанавливаются смысл конституционно-правовой нормы, её социальная направленность, ценностные установки конституционного регулирования. Кроме того, посредством применения того или иного метода толкования возможно точно определить исторические условия и общественную обстановку, которая способствовала принятию нормы, а также возможные последствия действия нормы Конституции, которая подлежит применению в конкретной ситуации.

Необходимо отметить, что в теории права до сих пор не выработано единого подхода к определению сущности категории «толкование». Так, например, Б.В. Щетинин раскрывает содержание толкования конституционных норм только через «уяснение смысла правового предписания» [4, с. 33]. В свою очередь, М.С. Строгович предлагал определять толкование права только в «практическом» аспекте: по мнению исследователя, толкование направлено только на разъяснение содержания нормы, т.е., донесение сущности, социальной направленности и конкретных юридических последствий нормы до адресатов (применительно к сторонам дела, когда толкование осуществляется в целях разрешения конкретного юридического дела судом или иным уполномоченным органом публичной власти), а также до неопределённого круга лиц (если толкование осуществляется в учебно-методических или научных целях) [5, с. 240]. Отметим, что такой подход к определению толкования права сохранился и в работах современных исследователей – к примеру, Д.А. Гаврилов в своём диссертационной работе определяет «правоприменительное толкование» как наиболее важный вид интерпретации правовых норм. По его мнению, правоприменительное толкование представляет собой специальную, процессуально регламентированную познавательную и интерпретационную деятельность органов государственной власти (а также уполномоченных общественных объединений и отдельных граждан) для аргументации и обоснования принятых по юридическим делам решений [6, с. 7].

Наибольший интерес представляет «комплексная» теоретическая позиция, в соответствии с которой толкование правовых норм – это едионаправленный процесс, сочетающий в себе последовательное уяснение смысла и сущности нормативного предписания для самого субъекта интерпретационной деятельности, а также разъяснение этого смысла конкретным гражданам или неопределённому кругу лиц. В свою очередь, уяснение норм права – это осуществляемый интерпретатором *внутренний* процесс, направленный на установление смысла и содержания нормы только для себя. Тогда как разъяснение правовой нормы (в том числе, и конституционной) адресовано другим лицам, направлено на решение конкретной задачи (образовательной, исследовательской, правоприменительной), являясь тем самым уже *внешним* процессом. Осуществляющий толкование субъект в силу своей компетентности

и общих правовых знаний «доносит» содержание правового предписания до заинтересованных лиц [7, с. 296].

Внешним «выражением» толкования (актом толкования) является конкретный результат интерпретационной деятельности, имеющий значение как для самого субъекта толкования, так и для определённого круга граждан, организаций, в интересах которых могло осуществляться данное толкование. Акты толкования могут выражаться в письменной (приговор суда, учебное пособие, контрольная или курсовая работа обучающегося по юридической специальности, научный комментарий и т.д.), а также в устной форме (дача клиенту юридической рекомендации, ответ на практическом занятии и т.д.).

С точки зрения определения акта толкования наиболее удачным представляется предложенное А.Ф. Черданцевым понятие: «Акт толкования есть ни что иное, как результат мыслительного интерпретационного процесса, обозначаемый в виде совокупности логически обоснованных суждений, раскрывающих содержание толкуемой нормы» [8, с. 473]. Примером акта толкования может выступать комментарий к кодифицированному правовому акту, а также руководящие акты Верховного Суда РФ, посвящённые особенностям применения судами отдельных законодательных актов или даже их статей, где последовательно раскрываются оценочные, не имеющие единой законодательной дефиниции, понятия, устанавливаются чёткие правила применения нормы – в дальнейших менее нормативных процессах толкования норм права в целях их применения. В качестве примера можно привести Постановление Пленума Верховного Суда от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [9], в котором подробно раскрываются квалифицирующие признаки практически каждого пункта части 2 ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, которым устанавливается ответственность за убийство, совершённое при отягчающих обстоятельствах.

Говоря в данной связи о толковании Конституции, необходимо, на наш взгляд, отметить, что высокая степень обобщённости конституционных положений предполагает активную деятельность различных субъектов по толкованию данных норм, что выражается, в том числе, в большом количестве теоретических работ по данной тематике, где подробно исследуются не только содержательные аспекты, но и исторические, общественно-политические условия принятия действующей Конституции, различных редакций Основного закона. Уместно согласиться с авторами, указывающими на существование полноценной «теории толкования Конституции», как самостоятельного направления науки конституционного права, находящейся на стыке с общей теорией права и государства [10, с. 125].

Достаточно дискуссионным является на сегодняшний день и вопрос об основном объекте толкования. Традиционным для юридической науки является противопоставление «духа» (действительной воли законодателя, которой руководствовался законодательный орган) и «буквы» закона (буквального содержания нормы). Как представляется, в современных условиях допускается использовать комплексный подход и к определению объекта толкования. Несомненно, при принятии правоприменительного акта требуется неукоснительно действовать в соответствии с формулировкой закона, поскольку

от оценки судом (или иным уполномоченным органом власти) зависит наступление обязательных юридических последствий для конкретных лиц (в том числе, и негативных, выражающихся в форме меры и размера ответственности).

В свою очередь, если толкование осуществляется в исследовательских или образовательных целях, обращение к условиям и обстановке принятия того или иного общеобязательного правила поведения является обязательным и во многом определяющим. Скажем, без чёткого понимания многонационального характера Российского государства вне зависимости от его исторического этапа трудно растолковать положения о существовании в нашей стране именно федеративной формы государственно-территориального устройства, при том, что это требует значительных организационных, правовых и финансовых затрат в сравнении с созданием и функционированием унитарного государства. Верным, на наш взгляд, является утверждение авторов о необходимости учёта свойств преемственности любого конституционного акта как при толковании действующих правил, так и в ходе подготовки и аргументации поправок, вносимых в текст Конституции.

Д.А. Гаврилов верно отмечает, что официальное толкование любого правового предписания (в том числе, и конституционного) направлено на обеспечение внутренней согласованности всей системы законодательства, создание условий для единообразного применения, а также стабильного развития всей юридической практики [6, с. 8]. Говоря о подобной функции деятельности по толкованию Конституции РФ, необходимо отметить, что максимально обобщённый характер конституционно-правовых предписаний не позволяет актам толкования положений Основного закона прямо влиять на правоприменительную практику. Однако, существование руководящих разъяснений Верховного Суда Российской Федерации по различным вопросам применения правовых норм, которые, в свою очередь, являются обязательными для исполнения всеми нижестоящими судами, позволяет сделать вывод, что эти акты толкования также должны быть прямо основаны на верной, соответствующей конституционным принципам, интерпретации положений, к примеру, Гражданского или Уголовного кодекса. Отметим, что некоторые акты Верховного Суда непосредственно также указывают на нормы Конституции, по сути, толкуя их содержание. Так, п. 1 недавнего Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами норм о применении морального вреда» [11] содержит указание на статьи 17 и 45 Конституции – в части закрепления безусловного права каждого гражданина на возмещение морального вреда, вне зависимости от категории совершённого в отношении лица правонарушения, а также наряду с правом на возмещение имущественного ущерба. Соответственно, можно сделать вывод, что толкование Конституции имеет многоступенчатый характер, влияет на иные виды официального толкования норм текущего законодательства, осуществляемого судами.

Таким образом, толкование Конституции Российской Федерации представляет собой последовательный процесс уяснения и разъяснения положений Основного закона заинтересованными субъектами (органами власти, общественными организациями, гражданами, научными работниками). Толкование направлено одновременно не только на установление буквального

содержания конституционно-правовой нормы, но и на определение исторических, общественно-политических и культурных условий, способствовавших принятию Конституции РФ 1993 г. и внесению в неё поправок. Результатом толкования является интерпретационный акт, который может выражаться в устной или письменной форме. Специфика толкования Конституции заключается в её общенормативном и учредительном характере, высшей юридической силе – правильное уяснение и разъяснение смысла и содержания конституционно-правовых норм будет непосредственно отражаться на всём текущем правотворчестве (вне зависимости от отраслевой принадлежности), применении норм законов и подзаконных актов

Список использованной литературы:

1. Беляева, О. М. Толкование норм права / О.М. Беляева // Учёные записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2007. – Т. 149, № 6. – С. 39-47.
2. Терехов Е.М. Сравнительно-правовой анализ понятий «правоинтерпретационная деятельность» и «толкование права» / Е.М. Терехов // Правовая парадигма. – 2019. – Т. 18, № 1. – С. 88-92.
3. Алексеев С.С. Государство и право: учебное пособие / С.С. Алексеев. – М.: Проспект, 2022. – 152 с.
4. Щетинин Б.В. Проблемы теории советского государственного права: монография / Б.В. Щетинин. – М.: Юридическая литература, 1969. – 200 с.
5. Строгович М.С. Теория государства и права: учебно-практическое пособие / М.С. Строгович. – М.: Государственное издательство юридической литературы, 1940. – 304 с.
6. Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Д.А. Гаврилов. – Волгоград: Волгоградский государственный университет, 2000. – 235 с.
7. Марченко М.Н. Общая теория государства и права: учебник / М.Н. Марченко. – М.: Издательство «Проспект», 2022. – 672 с.
8. Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учебное пособие / А.Ф. Черданцев. – М.: ИНФРА-М, Норма, 1999. – 552 с.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) (в ред. от 3 марта 2015 г.)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1999. – № 3.
10. Шахов Н.В. Понятие, виды и принципы толкования норм Конституции Российской Федерации / Н.В. Шахов // Евразийский юридический журнал. – 2021. – № 5. – С. 124-126.
11. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2022 г. № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // Российская газета. – 2022. – 25 ноября. – № 267.

УДК 349

ГЕНЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И ПРАВО В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

Гейдарова Екатерина Николаевна, юрист по медицинскому праву, г. Москва, E-mail: nanam@mail.ru

GENETIC STUDIES AND LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEM ASPECTS

Heydarova Ekaterina Nikolaevna, lawyer in medical law, Moscow, E-mail: nanam@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования с юридической точки зрения законности и этичности проведения генетических исследований набирает обороты на современном этапе. Способствует этому развитие технологий в сфере генной инженерии и генетики как науки в целом, в том числе увеличение предложений на рынке медицинских услуг, связанных с генетическими исследованиями.

Целью исследования является анализ основ правового регулирования генетических исследований в Российской Федерации и выявление проблемных аспектов в данной сфере.

В результате исследования делаются выводы об отсутствии специализированных нормативно-правовых актов и правовых норм, которые бы регулировали отношения в области генетических исследований, что в итоге способствует ошибочному распространению общих норм в сфере здравоохранения на данную сферу отношений.

Abstract. The relevance of the study of the legality and ethics of genetic research is gaining momentum at the present stage from a legal point of view. This is facilitated by the development of technologies in the field of genetic engineering and genetics as a science in general, including an increase in offers on the market of medical services related to genetic research.

The purpose of the study is to analyze the fundamentals of legal regulation of genetic research in the Russian Federation and to identify problematic aspects in this area.

As a result of the study, conclusions are drawn about the absence of specialized legal acts and legal norms that would regulate relations in the field of genetic research, which ultimately contributes to the erroneous extension of general norms in the field of healthcare to this area of relations.

Ключевые слова: генетическое исследование, НИПТ, хромосомный микроматричный анализ, гены, генная инженерия, генотерапия, биометрические персональные данные, юридическая ответственность.

Key words: genetic research, NIPT, chromosomal microarray analysis, genes, Genetic Engineering, gene therapy, biometric personal data, legal liability.

Несмотря на то, что начало развития генетики как научного подраздела биологии и системы знаний о генах было заложено ещё в середине XIX века, всё же своё особое развитие направление получило с середины XX века и является актуальным в области биологии на современном этапе.

Развитие научного познания в области наследственности и специфики построения генетических вариаций в совокупности с государственно-частным партнёрством в сфере здравоохранения в Российской Федерации послужило основой для интеграции научных исследований в форме конкретных медицинских услуг в государственные и частные медицинские учреждения.

Уже с 2011 рынок частной генной медицины в России начинает набирать обороты и по сей день является актуальной сферой развития для негосударственных субъектов [1, с. 12], в силу большей конкурентоспособности из-за клиенториентированности и узконаправленной деятельности частных медицинских организаций по сравнению с такими учреждениями на государственном уровне.

На сегодняшний день на рынке медицинских услуг, взаимосвязанных с исследованием генного материала, а также его изменения, лидирующие позиции занимают такие организации как Центр генетики и репродуктивной медицины «ГЕНЕТИКО», Медицинский центр «Эндомед», Лаборатория «Гемотест», а также Медико-генетический центр широкого медицинского профиля в сфере молекулярной патологии «Геномед».

При анализе медицинских услуг, которые оказывают вышеперечисленные медицинские организации, можно прийти к выводу, что в основном они ориентированы на генетические исследования и не касаются медицинских вмешательств в генетический материал человека, в том числе с последующим изменением его структуры.

Это актуально и для медицинского анализа генов на наличие наследственных заболеваний, тестирования генов на преимплантационном этапе, в том числе иные пренатальные тесты (НИПТ и НИПС) для оценки рисков и своевременного выявления пороков развития плода, формирования рисков невынашивания плода, установления причин бесплодия и его преодоления.

Также лаборатории оказывают услуги по исследованию и выявлению генетических болезней, диагностике и лечению рака, а также иные медицинские услуги, связанные с изучением генома человека для подбора диеты и формирования основ биологического развития на основе полученных результатов нутригенетики.

Стоит отметить, что для генетического анализа, как правило, не требуется особой подготовки пациента к медицинскому вмешательству. Современный уровень развития генетики как науки и рынка медицинских услуг в сфере генетики позволяет произвести генетическое исследование буквально посредством использования биологического материала человека для анализа, то есть венозной или капиллярной крови, волос, слюны, ногтей, буккального эпителия и др.

Именно поэтому при осуществлении анализируемых медицинских услуг исключается необходимость использования магнитно-резонансного, рентген-излучающего, ультразвукового, лазерного и иного медицинского оборудования, включая химические препараты как более опасные в исследовании генома человека для самого пациента.

Рассматривая вопрос с правовой точки зрения, в первую очередь необходимо отметить, что базовым законом Российской Федерации в области генетических исследований является Федеральный закон «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», поскольку оказание данных медицинских услуг представляет собой медицинское вмешательство на общих условиях с учётом специфики норм Федерального закона «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности».

Помимо этого, в ст. 8 закрепляются особые требования к квалификации специалистов и юридических лиц, осуществляющих генно-инженерную деятельность в части соблюдения ими безопасности в генно-инженерной деятельности [2].

Данная норма, как и закон в целом, распространяется только на медицинские услуги, которые охватывают в своём содержании генотерапию, то есть изменение соматических клеток в геноме человека в рамках лечения различного спектра заболеваний человека, а также на деятельность, направленную на генную инженерию, то есть модификация организма посредством изменения генетического аппарата отличного от природного с возможностью последующей передачи такого генетического кода потомству (поколению).

Не является законодательно урегулированным, однако, вопрос о законности генно-инженерной модификации как таковой, на что акцентируют внимание, в частности, Агафонов В.Б. и Жаворонкова Н.Г. в своём исследовании. Действительно, если генетическое исследование как медицинская процедура в целях выявления изменений в структуре генома не влечёт изменений в отдельном ДНК или геноме пациента в целом, то генотерапия и уж тем более генно-инженерная деятельность вмешивается в единство и естественность генетического материала пациента [3, с. 152].

И если в первом случае такое изменение генетического материала может происходить косвенно в ходе применения биотехнологических и медицинских методов для лечения болезней (то есть процесс изменения генома человека может не произойти вовсе; может произойти, но иметь обратный процесс или же быть следствием побочного эффекта мутации), то генная инженерия направлена напрямую на такое вмешательство с целью изменения генома человека.

Это чревато в первую очередь тем, что несмотря на развитость генетики всё же допускаются погрешности в генетических исследованиях, а генно-инженерные вмешательства могут повлечь за собой непредвиденные или ожидаемые, но побочные негативные мутации, которые при этом передаются следующему поколению людей.

Отсутствуют специализированные нормативы и иные законодательные требования к контролю за состоянием пациентов, подвергшихся генной терапии и уж тем более генной инженерии в совокупности с довольно латентным проявлением самих последствий мутаций от вмешательства в геном человека (речь идёт о сложности установления причинно-следственной связи между совершённым медицинским вмешательством и наступившими последствиями в виде мутации генома человека).

Хотя и справедливо отметить, что сам рынок генной инженерии человека слабо развит в Российской Федерации по причине высокого уровня необходимых затрат для такой деятельности, необходимости закупки оборудования высоких технологий и поиска таких высококвалифицированных специалистов в совокупности с довольно расплывчатым законодательством в данной сфере отношений, что в целом, по нашему мнению, обуславливает состояние пассивности законодательного регулирования отношений по генетическому исследованию и генной-инженерии.

Особенно остро стоит вопрос о юридической ответственности субъектов отношений, связанных с генетическим исследованием. Так, ни в Уголовном Кодексе, ни в Кодексе об административных правонарушениях не закрепляются составы, которые бы предусматривали ответственность за принуждение к изъятию генного материала человека или ответственность за незаконное изъятие структурных или функциональных генов в рамках оказываемых медицинских услуг.

Можно предположить, что в таком случае могла бы наступать ответственность по ст. 120 Уголовного Кодекса Российской Федерации за принуждение к изъятию органов или тканей человека для трансплантации, однако, проблема правового характера заключается в том, что ни в Уголовном Кодексе, ни в Федеральном законе «О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности», ни в иных нормативно-правовых актах не раскрывается категория «ген», «генотип» и иные смежные понятие, что формирует необходимость обращения к научным познаниям в области биологии, в том числе, в генетике.

Так, ген – это биометрические персональные данные, извлекаемые из определенных фрагментов дезоксирибонуклеиновой кислоты (иногда рибонуклеиновой кислоты) живого физического лица или трупа, на основании которых можно идентифицировать личность, определить генетические предрасположенности или выявить закономерности развития человека, полученные добровольно, а в случаях, предусмотренных законом, принудительно, закрепленные в биологическом образце и (или) хранящиеся в информационной карте, базе данных [4, с. 50].

В связи с этим ген не относится ни к тканям, ни к органам, что фактически согласно буквальной трактовке и законодательного смысла позволяет на сегодняшний день изымать ДНК и РНК материалы незаконным способом и помимо воли пациента, что однако не позволяет, к примеру, привлечь к ответственности по ст. 120 УК РФ и требует внесения дополнений в данную статью с включением в предмет посягательства также генные материалы человека, на что акцентирует внимание и Бавсун М.В. в своём исследовании [5, с. 34].

Не совсем ясно относит ли законодатель полученные в ходе генетического исследования гены и иные материалы генотипа человека к биометрическим персональным данным?

С одной стороны, согласно ст. 11 под биометрическими персональными данными понимаются данные, которые характеризуют физиологические и биологические особенности человека, на основании которых можно установить

его личность [6]. С другой стороны, сама норма была интегрирована в систему общественных отношений лишь в 2011 году для регулирования вопросов, как правило, связанных с законным использованием банковскими и финансово-кредитными организациями таких данных как операторами для авторизации и идентификации пользователей.

Это и обуславливает вопрос возможности распространения указанной нормы в отношении генной информации и что требует дополнительного правового регулирования с учётом особой информационной ценности, которую может раскрыть ген [7], а также с учётом роста теневого рынка информации, в том числе в сфере здравоохранения.

Не является урегулированным вопрос и о том, законны ли действия по предоставлению биологического материала для генетического исследования без ведома лица, с которого такой материал собран. Особенно актуальным данный вопрос является в сфере семейных правоотношений в связи с установлением отцовства, когда такой материал для генетического исследования предоставляется медицинской организацией без ведома отца предполагаемого ребёнка.

Ни на законодательном уровне, ни в большинстве медицинских организаций, не устанавливаются требования к обязательному письменному согласию на анализ собранных данных тестируемого лица (более того, создаются условия для анонимного исследования), что, однако, нарушает конституционные права и свободы лица, без ведома которого биологические материалы были переданы на генетическое исследование.

С правовой точки зрения, результаты исследования не порождают юридических последствий для родителей детей, поскольку требуется проведение экспертизы в установленном законе порядке при обращении в судебный орган и инициации процедуры судебного разбирательства с установлением отцовства или материнства, однако, в любом случае, это посягает на конституционные права и свободу неприкосновенности личной и семейной жизни человека, без ведома которого его биологические материалы передаются на генетическое исследование.

Как отмечает Коростелев С.А., стоит учитывать и такие правовые риски при оказании услуг по генетическому исследованию, связанные с частыми нарушениями медицинскими организациями (как частного, так и государственного уровня) законных прав пациентов на информацию. Сами же правонарушения зачастую связаны с непредставлением полной и (или) представлением недостоверной информации пациентам об оказываемых медицинских услугах [8, с. 151], специфике медицинского вмешательства и возможных побочных действиях.

Особенно распространены данные правонарушения в сфере медицинской деятельности, сопряжённой с генетикой в силу сложности научного понимания и предоставления такой всеобъемлющей информации в более простой форме пациентам, что чревато упущением важной информацией.

В результате можно прийти к заключению, что проблемных аспектов правового регулирования отношений по генетическому исследованию, генетической терапии и генетической инженерной деятельности на современном этапе развития законодательства в сфере здравоохранения множество.

Правовые пробелы касаются одновременно как базовых начал, которые банально не позволяют определить с правовой точки зрения понятие «ген» и «геном», в том числе ответить на вопрос являются ли материалы, собранные в ходе генетического исследования в качестве биометрических данных, так и касаются вопросов более сложного характера в сфере административного контроля за деятельностью медицинских организаций, осуществляющих более сложные медицинские вмешательства по генотерапии и генной инженерии.

Также было выявлено отсутствие как таковой законодательной основы для уголовной или административной юридической ответственности, что чревато открытыми правонарушениями в смежных семейных отношениях, а также таких правоотношениях, связанных с несанкционированным распространением информации.

Можно сделать вывод, что гены подпадают под общее правовое регулирование персональной информации личности, которую получают медицинские организации и их работники в ходе оказания медицинских услуг.

Очевидно, что сведения о наличии заболеваний или отклонений несоразмерны по сравнению с такими сведениями, которые можно извлечь из наследственных материалов, находящихся в генах человека, что требует качественно иной правовой регламентации отношений и правовой защиты данных, получаемых при генетическом исследовании на сегодняшний день.

Список использованной литературы:

1. Слободкина Е.А. Генная терапия в регенеративной медицине: последние достижения и Актуальные направления развития / Е.А. Слободкина // Гены и клетки. – 2020. – № 1. – С. 6-16.

2. О государственном регулировании в области генно-инженерной деятельности: Федеральный закон от 05.07.1996 (ред. от 02.07.2021) № 86-ФЗ // Российская газета от 12.07.1996. – №130.

3. Агафонов В.Б., Жаворонкова Н.Г. Эколого-правовое регулирование генно-инженерной деятельности в РФ: современные проблемы и перспективы развития / В.Б. Агафонов, Н.Г. Жаворонкова // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 6. – С. 149-157.

4. Малеина М.Н. Понятие и классификации геномной (генетической) информации / М.Н. Малеина // Lex russica. – 2020. – № 7. – С. 50-58.

5. Бавсун М.В. Предмет и метод уголовного права в условиях трансформации общественных отношений / М.В. Бавсун // Сборник материалов VII-й Международной научно-практической конференции (1-2 ноября 2019 года, Санкт-Петербург). – № 1. – С. 29-35.

6. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 №152-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Российская газета от 29.07.2006. – № 165.

7. Всеобщая декларация ООН о геноме человека и о правах человека 1997 года Генеральная Конференция ЮНЕСКО // International Bioethics Committee of UNESCO (IBC) Proceeding. – 2000. – Volume 1.

8. Песенникова Е.В. Основные правовые риски при оказании платных медицинских услуг государственным медицинским учреждением / Е.В. Песенникова, О.В. Гриднев, С.А. Коростелев // Исследования и практика в медицине. – 2018. – № 5. – С. 149-155.

УДК 346.52

**ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ
ПРОИЗВОДСТВЕННОГО
СЕКТОРА ФСИН РФ**

Губанов Александр Вячеславович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: gurm372@gmail.com

Лукашик Валентина Евгеньевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: lukashikvalentina.02@bk.ru

Князева Анастасия Сергеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: knyazeva_anastasia95@mail.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Работа посвящена исследованию производственного сектора ФСИН России. Данная отрасль имеет большие перспективы на российском рынке, однако ряд проблем препятствует развитию производства. Износ станков, низкий спрос на продукцию исправительных учреждений, незаинтересованность осужденных при выполнении трудовых функций, отсутствие большого количества специалистов в конкретных отраслях производства – все это влияет на производственный сектор ФСИН.

Abstract. This article is devoted to the study of the production sector of the Federal Penitentiary Service of Russia. This industry has great prospects in the Russian market, but a number of problems hinder the development of production. The wear of machine tools, low demand for products of correctional institutions, disinterest of convicts in performing labor functions, the absence of a large number of specialists in specific industries – all this affects the production sector of the Federal Penitentiary Service.

Ключевые слова: производственный сектор, уголовно-исполнительная система, труд, осужденные.

Key words: production sector, penal enforcement system, labor, convict.

В соответствии с Законом Российской Федерации от 21 июля 1993 года № 5473-1 «Об учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации», учреждения вправе участвовать в создании и деятельности предприятий любых организационно-правовых форм, а также участвовать на правах учредителя в управлении ими в интересах развития своей социальной сферы, привлечения осужденных к труду [1]. Исправительные учреждения вправе осуществлять планирование определенной деятельности, а именно создания производства, где будут трудиться осужденные обеспеченные всеми материальными благами.

Данное обстоятельство позволят реализовать одно из средств исправления – труд, навыки от которого осужденные могут реализовывать после освобождения. Наглядным примером является открытие в Зеленограде

исправительного центра, при создании которого (строительство помещения) 60 % расходов взяла на себя строительная компания, предоставляя при этом рабочие места на строительстве жилых новостроек для лиц, осужденных к принудительным работам, а также тем, кто освобождается из мест лишения свободы [2, с. 48].

Учреждения и органы УИС развивают производственный сектор в следующих направлениях: сельскохозяйственное, деревообрабатывающие, швейное производство, строительная продукция, сувенирное производство, легкая промышленность, продукты питания и т.д. Данный перечень является весьма обширным, направление зависит от особенностей региона, где находится учреждение.

Ярким примером выступает ФКУ ИК-22 ГУФСИН России по Красноярскому краю, где основное производство сосредоточено на швейном деле. ИК-22 специализируется на пошиве товаров народного потребления, постельного белья, мягкого инвентаря, рабочей одежды, вещевого имущества для спецконтингента и форменного обмундирования для сотрудников УИС, а также предоставляет услуги по пошиву изделий из сырья и фурнитуры заказчика.

С 2007 года в подразделении функционируют ателье и магазин, который предлагает широкий ассортимент выпускаемой продукции форменного обмундирования, головных уборов, постельного белья, медицинской, рабочей одежды, а также одежды для отдыха, туризма и рыбалки изготовленной и разработанной технологами и конструктором учреждения [3]. Учреждениями ГУФСИН в первом полугодии 2022 года произведено товарной продукции, выполнено работ, оказано услуг более чем на 2 миллиарда 230 миллионов рублей, что является по отношению к показателям аналогичного периода прошлого года объем производства товаров, выполнения работ и оказания услуг увеличился на 17% [3].

Благодаря предусмотренным возможностям исправительные учреждения реализуют средство исправления – труд, ко всему этому, им выплачивается заработная плата, из которой осужденные могут выплачивать исполнительные листы.

Учреждения, занимающиеся производственной деятельностью, обладают рядом особенностей, что и отличает их деятельность от предпринимателей:

1. Учреждения УИС предоставляет только производственные места и рабочую силу для его осуществления. Предприниматель же обязан осуществить поставку сырья для производства. То есть, в случае обращения в исправительное учреждение для изготовления чего-либо заказчику необходимо предоставить материал для выполнения заказа, в частных предприятиях такого нет. Однако законодатель выделяет исключение, где исправительному учреждению необходимо было закупать сырье и материалы с определенными качественными и техническими характеристиками по оптимальной цене [4], а не все продавцы на это соглашались, тем самым изготовление товара может задержаться, а клиент отказаться от сотрудничества и сделать выбор в сторону другой организации.

2. Ещё одной особенностью выступает то, что заказы на производстве в УИС гораздо ниже тех, что предоставляют частные предприниматели. Это

связано с тем, что УИС не имеет цели извлечение прибыли. Как правило, цены должны покрывать расходы, полученные в результате производства. В целом проблема обеспечения производства в УИС объемами, необходимыми для реализации трудовой адаптации осужденных, является системной и требует комплексного решения, следует изменить подход к организации производства и структуру управления производственным комплексом ФСИН России [5, с. 6].

3. Основные трудовые функции выполняют осужденные, однако у них отсутствуют стимулы, чтобы сделать качественный продукт. Многие осужденные попадают не по-своему желанию, а также частые переработки накладывают на осужденных принцип халатного труда. Ситуация в УИС осложняется в связи с ростом доли лиц, не имеющих никакой специальности и опыта трудовой деятельности. Данный аспект откладывает отпечаток на качество товара, что может отталкивать заказчиков. Ко всему этому, в основном труд осужденных, используется в качестве такового, но как известно не все осужденные осуществляют трудовую деятельность, а лишь малая одна четвертая часть от всех осужденных, на это влияет множество факторов: 1) крайне высокая изношенность материально-технической базы производств; 2) высокий процент осужденных, которые страдают хроническими заболеваниями, и поэтому многих осужденных освобождают от трудовой обязанности [6, с. 214]. Зачастую осуждённые вынуждены трудиться не по своей профессии, на том производстве, которое находится в исправительном учреждении. Однако на переобучение данных лиц уходит время. Считает необходимым наделения возможностью выбора трудоспособных осужденных.

В соответствии с Гражданским кодексом РФ, казенное учреждение может осуществлять приносящую доходы деятельность в соответствии со своими учредительными документами, доходы, полученные от указанной деятельности, поступают в соответствующий бюджет бюджетной системы Российской Федерации [7].

Статьей 9 закона Российской Федерации «Об учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы Российской Федерации» установлен порядок распределения прибыли от производственной хозяйственной деятельности учреждений, исполняющих наказания [1], где сказано, что после перечисления всех обязательных налогов в соответствующие бюджеты, доходы используются в первую очередь для улучшения бытовых условий осужденных, премиальные вознаграждения работникам производственной сферы, кроме этого они используются для развития социальной сферы данных учреждений.

Исходя из сказанного, видно, что полученная прибыль с предприятий не является источником дохода, так как основная сумма идет в Федеральную службу исполнения наказания. Считаем целесообразным перевести учреждения УИС на частичное самоокупаемость, однако лишь те учреждения, у которых хорошо налаженное предприятие. Данное ведение позволит улучшить рабочие места, техническое оснащение способствуют росту выпускаемой продукции. Ко всему этому, возможно будет повысить заработные платы самих осужденных, что благоприятно окажется на степени их исправления.

Таким образом, предприятия уголовно-исполнительной системы имеет ряд особенностей, обусловленных спецификой ФСИН. Некоторые особенности

выступают проблемами, например, изношенность материальной части требует обновление, а для этого необходимы дополнительные средства.

Список использованной литературы:

1. Об учреждениях и органах Уголовно-исполнительной системы Российской Федерации: Закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5473-1 (ред. 30.01.2021) // Ведомости Съезда Народных депутатов РФ. № 33. 19.08.1993. ст.1316.
2. Упоров А. Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3 (34). – С. 44-49.
3. Официальный сайт ГУФСИН по Красноярскому краю [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://24.fsin.gov.ru/product/fku-ik-22.php> (дата обращения: 27.02.2023).
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон № 44-ФЗ от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.06.2019) // Российская газета. № 80. 12.04.2013.
5. Попова Т.В., Стулов С.А. Особенности ценообразования на продукцию производственного сектора уголовно-исполнительной системы // Ведомости УИС. – 2018. – № 4 (191). – С. 30-34.
6. Упоров А.Г. Особенности отбывания наказания осужденными в лечебно-исправительных и лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации / А.Г. Упоров // Уголовно-исполнительная система сегодня: взаимодействие науки и практики: Материалы юбилейной XX Всероссийской научно-практической конференции, Новокузнецк, 28-29 октября 2020 года / Отв. редактор А.Г. Чириков. – Новокузнецк: Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. – С. 211-217.
7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1995 № 51-ФЗ (в ред.09.03.2021) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 32, 05.12.1994, ст. 3301.

УДК 349.6

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЛЕДСТВЕННЫХ ПРАВ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО

Мохов Артем Юрьевич, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: aumohov@mail.ru

Казаченко Юлия Олеговна, Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», E-mail: jkazachenko@mail.ru

Аннотация. Авторами обозначены основные особенности участия ребёнка в наследственных правоотношениях, определены основные формы участия суда в защите имущественных интересов несовершеннолетнего в различных процедурах наследования.

Ключевые слова: семейное право, наследственные правоотношения, несовершеннолетний наследник, судебная защита, обязательная доля, nasciturus.

Abstract. The author outlines the main features of the child's participation in inheritance legal relations, defines the main forms of court participation in protecting the property interests of a minor in various inheritance procedures.

Key words: family law, inheritance relations, minor heir, judicial protection, compulsory share, nasciturus.

В современных условиях особое значение приобретает регулирование института семьи – как основы для воспитания и усвоения подрастающим поколением моральных и историко-культурных традиционных ценностей, повышения демографических показателей страны. На повышенное значение регулирования вопросов государственной политики в области семейных отношений указывает также и закрепление в 2020 г. на уровне Конституции принципиально новых положений о провозглашении детей в качестве важнейшего приоритета государственной политики страны (ч. 4 ст. 71), установление вопросов защиты семьи, детства, материнства и отцовства как самостоятельного направления вопросов совместного ведения федеральных и региональных органов власти, а также защита *института брака как союза мужчины и женщины* (п. «ж.1» ст. 72).

Охрана и защита прав человека являются важнейшими характеристиками внутреннего устройства любого правового государства. Отношение государства к проблеме прав ребёнка показывает истинное содержание осуществляемой государственной политики. Главный показатель цивилизованности общества – отношение власти к вопросу защиты и охраны прав наиболее слабых и уязвимых

субъектов, к которым относятся в первую очередь дети. Несовершеннолетние, будучи особой категорией граждан, требуют обеспечения ещё большей защиты ввиду их неполной дееспособности.

В России защита прав и интересов несовершеннолетних законом возложена первоначально на родителей или лиц, их заменяющих, органы опеки и попечительства, прокуратуру и суд. Отдельно выделим положение суда в системе субъектов-участников механизма защиты прав и законных интересов ребёнка. Помимо того, что судебная власть характеризуется единством ее системы, у данного правового института имеются и иные особенности, позволяющие ее выделить среди других ветвей власти: несмотря на то, что суды наделяются государственно-властными полномочиями и осуществляют правосудие в строго установленной процессуальной законодательством форме, призвание судебной власти состоит в защите прав и свобод граждан и юридических лиц, конституционного строя нашей страны, в обеспечении соответствия нормативно-правовых актов Конституции РФ, а также в том, что должна обеспечиваться законность и справедливость при применении источников правового регулирования нашего общества.

Более того, суд как государственный орган служит неким «посредником» в разрешении споров, вступившие в законную силу судебные акты обязательны для всех государственных органов без исключения. Также судебная власть преюдициальна, то есть, факты, установленные судом, должны применяться иными органами в обязательном порядке [1, с. 75]. Рассуждая на тему преюдиции, можно сделать вывод, что она намного шире, чем обязательность исполнения судебного решения, ведь, если суд отказывает в удовлетворении требований и отсутствует судебный акт, который необходимо исполнять, факты, установленные судом в решении (определении, постановлении), также будут обязательны для всех.

К основным особенностям судебной власти, позволяющим ее выделить среди иных ветвей власти, закрепленным основным законом нашей страны, относят следующие:

- судебная власть осуществляется государственными органами – судами, совокупность которых образует судебную систему;
- согласно части 2 статьи 118 Конституции «Судебная власть осуществляется посредством конституционного, гражданского, административного и уголовного судопроизводства»;
- реализуется в соответствии с четко установленной процессуальной формой (надлежащей правовой процедурой);
- решения органов судебной власти не могут пересматриваться органами других ветвей власти [2, с. 224].

Переходя к характеристике функций судебной власти, следует начать с ее социальной функции. Социальная функция судебной власти состоит в

обеспечении судебными органами правового режима в различных сферах жизни граждан. Данная функция реализуется посредством решения следующих задач:

- 1) обеспечение охраны государственного (конституционного) строя;
- 2) охрана прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц – в том числе, и прав детей как важного конституционного приоритета;
- 3) обеспечение юридического верховенства Конституции РФ и законодательства, согласованного и единообразного применения семейного законодательства и актов иных отраслей права в области защиты прав несовершеннолетних;
- 4) направленность на правовое воспитание населения, правосознание граждан [3, с. 114].

Специфика наследственных правоотношений, в которых одновременно сочетаются имущественные интересы граждан и необходимость сохранения семьи как уникального правового института, предполагает повышенное внимание законодателя и суда к решению отдельных спорных ситуаций – прежде всего, в целях защиты прав несовершеннолетних, обеспечения их дальнейшего свободного развития, беспрепятственного использования имуществом, образованным при жизни наследодателя. Несмотря на отсутствие в действующем гражданском законодательстве каких-то специальных норм, которыми бы закреплялись условия к возрасту вступления в наследственные права, а также градации прав и обязанностей наследников в зависимости от их возраста, необходимо выделить особенности порядка наследования несовершеннолетними.

В силу действия закона и завещания как альтернативных оснований для вступления в наследственные правоотношения отметим, что в силу ст. 1142 ГК РФ дети наследодателя выступают в качестве наследников первой очереди (наряду с его родителями и супругом). Ст. 1149 ГК РФ предусматривается, что несовершеннолетний ребёнок также имеет право получить вне зависимости от содержания завещания, круга лиц, указанных в таком документе, обязательную долю в составе наследственной массы. Ребёнок должен будет унаследовать не менее пятидесяти процентов от той доли, которая бы причиталась несовершеннолетнему касательно этой же наследственной массы, если бы наследование осуществлялось по закону. В теории отмечается, что данная норма имеет своей целью приоритетную «защиту имущественных прав несовершеннолетнего даже в том случае, если завещанием предусматривается иной круг наследников» [4, с. 40].

В качестве практического примера, когда суд непосредственно защищает право несовершеннолетнего наследника на его обязательную долю, можно привести определение Апелляционной коллегии по гражданским делам Московского городского суда, согласно которому, несмотря на невозможность выдела в натуре обязательной доли несовершеннолетнего наследника (сына) за счёт реализации квартиры наследодателя (так как в таком случае наследник по

завещанию не мог бы пользоваться жилым помещением, которое являлось для него единственным), постановил о необходимости выделения обязательной доли за счёт предоставления земельных участков и машиномест, также входящих в общую наследственную массу [5]. Таким образом, можно отметить, что суды одновременно защищают интересы не только несовершеннолетних, не указанных в завещании, но и обеспечивают беспрепятственное действие законного заключённого и удостоверенного нотариусом завещания – в пределах предписания ГК РФ о выделе обязательной доли ребёнку.

Ст. 1153 ГК РФ закреплено две процедуры принятия наследственного имущества: подача нотариусу или иному уполномоченному лицу соответствующего заявления по месту открытия наследства, а также фактическое принятие объектов имущества, входящих в наследственную массу. Как представляется, второй способ вполне применим и к принятию наследства несовершеннолетним – так продолжение проживания ребёнка в жилом помещении, которое принадлежало родителю-наследодателю, фактически представляет собой закреплённое ГК РФ «сохранение имущества», подпадающее под форму фактического принятия наследства.

В свою очередь, подача заявления от имени несовершеннолетнего также возможна – в силу ограниченной дееспособности ребёнка такое заявление будет подано его родителями; необходимо также отметить и случаи эмансипации, когда ребёнок, прошедший такую процедуру по достижении возраста четырнадцати лет, имеет право самостоятельно принять наследство – при этом обязательным условием является получение на это согласия законных представителей.

Если возникает спор по поводу принятия наследства, вне зависимости от степени дееспособности несовершеннолетнего (в том числе, и эмансипированного), обязательно привлекаются органы опеки и попечительства в качестве третьих лиц – в том числе, и в ходе судебного разбирательства. Как представляется, дополнительное привлечение в судебный спор органов опеки и попечительства является важным условием, позволяющим соблюсти баланс имущественных интересов всего круга наследодателей – не только несовершеннолетних, поскольку государственный орган выступает здесь гарантом соблюдения всего наследственного законодательства; при выявлении иных, пусть и не связанных с обеспечением интересов самого ребёнка, нарушений орган опеки и попечительства обязан будет сообщить об этом суду. Органы опеки и попечительства участвуют также и в процедуре отказа от наследства – если ребёнок отказывается от наследственного имущества, причитающегося ему по закону или завещанию, орган даёт предварительное разрешение; отсутствие такого документа является прямым основанием для признания отказа не соответствующим законным требованиям уже в судебном порядке [6].

Интересным с точки зрения участия суда случаем является осуществление защиты наследственных прав ещё не родившегося ребёнка. Обеспечение законных интересов зачатого ребёнка в наследственных правоотношениях имеет большую историю регулирования, отражаясь ещё в источниках классического римского права (в частности, именно оттуда пошло наименование таких наследников – «насцитурус»). Согласно ст. 1166 ГК раздел наследственного имущества допустимо осуществлять исключительно после рождения такого ребёнка; в силу п. 3 ст. 1163 ГК приостанавливается выдача свидетельства о права на наследство, если установлено, что зачат, но ещё не родился ребёнок наследодателя – так как по рождению он должен быть включён в круг наследников [7, с. 11].

Стоит отметить, что развитие технического прогресса предполагает гипотетическое возникновение ситуации, когда такой ребёнок родится уже после смерти наследодателя (например, в результате процедуры искусственного оплодотворения). В такой ситуации на практике может возникнуть неоднозначная ситуация, по буквальному толкованию позволяющая включить такого ребёнка в круг наследников, однако, не дающая при этом возможности чётко определить момент раздела наследственной массы – поскольку ребёнок может родиться и сильно позже смерти наследодателя, в силу сохранения его генетического материала. Как представляется, необходимо закрепить законодательную презумпцию (или руководящее положение для судебных инстанций на уровне установлений Верховного Суда РФ) согласия гражданина на включение в круг наследников насцитурусов, которые родятся после его смерти – при условии, что потенциальный наследодатель знает о том, что он является донором генетического материала, из которого впоследствии возможно рождение ребёнка. В целом, отметим, что вопрос о защите наследственных (и иных имущественных) прав детей, которые рождаются в результате вспомогательных репродуктивных процедур, имеет особый практический интерес в силу активного распространения таких технологий, а также устанавливаемых законодательных запретов в данной области (в частности, с декабря 2022 г. в Российской Федерации запрещено оказывать услуги суррогатного материнства для иностранных граждан, а также прибегать к суррогатному материнству одинокими мужчинами [8]).

Таким образом, можно отметить, что, несмотря на прямое отсутствие специальных норм в Гражданском кодексе, посвящённых наследственным правам несовершеннолетних, обеспечение и защита их имущественных интересов в процедуре наследства имеет свои особенности, связанные с ограниченной дееспособностью таких лиц, предоставлением обязательной доли в наследственной массе; перспективы для отдельного законодательного закрепления имеют вопросы наследования детьми, родившимися после смерти наследодателя, в том числе, и в результате использования вспомогательных репродуктивных технологий. Основное содержание судебной деятельности

находится здесь, как представляется, в двух основных направлениях: непосредственной защите наследственных прав ребёнка при разрешении отдельных дел, а также даче руководящих положений (в лице Верховного Суда РФ) для нижестоящих судов по соответствующим вопросам применения семейного и специального наследственного законодательства.

Список использованной литературы:

1. Шабанов П.Н. О признаках судебной власти / П.Н. Шабанов // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 2. – С. 73-79.
2. Безруков А.В. Конституционное право России: учебное пособие / А.В. Безруков. – Саратов: Издательство «Вузовское образование». – 2018. – 496 с.
3. Курбоналиев Н.Ш. Судебная защита гражданских информационных прав ребёнка / Н.Ш. Курбоналиев // Вестник Таджикского национального университета. – 2012. – № 3-3. – С. 111-117.
4. Наследственное право: учебник / под ред. Корнеевой И. Л. – М.: Издательство «Юрайт», 2022. – 282 с. (Серия «Высшее образование»).
5. Апелляционное определение Московского городского суда от 14 июня 2019 г. по гражданскому делу № 33-22277/19 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.04.2023).
6. Решение Пресненского районного суда г. Москвы от 26 августа 2022 г. по гражданскому делу № 34-278451/22 [Электронный ресурс] // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 1.04.2023).
7. Журавлёва Е.М. Проблемы наследования насчитурусом в рамках действия договора суррогатного материнства / Е.М. Журавлёва // Наследственное право. – 2013. – № 1. – С. 10-13.
8. Федеральный закон от 19 декабря 2022 г. № 538-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Официальный Интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202212190052> (дата обращения: 1.04.2023).

УДК 339.137.2

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПОВЫШЕНИЯ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Похилько Евгения Дмитриевна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
E-mail: pokhilko.evgenia@yandex.ru

Аннотация. В статье проведен анализ современного состояния конкурентоспособности в Донецкой Народной Республике. Перечислены условия повышения конкурентоспособности. Исследуется вопрос влияния конкурентоспособности на предпринимательство, предложены стратегические направления развития экономики. Сделан вывод о том, социальные сети открывают новое пространство для предпринимательства и конкурентоспособности Донецкой Народной Республики.

Abstract. The article analyzes the current state of competitiveness in the Donetsk People's Republic. The conditions for increasing competitiveness are listed. The question of the impact of competitiveness on entrepreneurship is investigated, strategic directions of economic development are proposed. It is concluded that social networks open up a new space for entrepreneurship and competitiveness of the Donetsk People's Republic.

Ключевые слова: конкуренция, предпринимательство, деятельность, предприятие, развитие, отношения, хозяйствование.

Key words: competition, entrepreneurship, activity, enterprise, development, relations, management.

В условиях рыночных отношений конкурентоспособность является решающим фактором успеха в предпринимательстве и обеспечении экономической безопасности, при этом немаловажная роль в функционировании национальной экономики отводится оценке конкурентоспособности и выявлению конкурентных преимуществ на различных уровнях хозяйствования для осуществления эффективной деятельности в условиях острой конкурентной борьбы.

Цель статьи заключается в исследовании современных тенденций и перспектив повышения конкурентоспособности, а также её влияния на предпринимательство в Донецкой Народной Республике.

К научным исследованиям общих теоретических и методических основ конкурентоспособности предприятия следует отнести труды М. Портера, П. Друкера, Ф. Котлера, К.Р. Макконнелла, С.Л. Брю, А. Смита, И. Ансоффа. Значительный вклад в исследование конкурентоспособности предприятий сделали современные ученые и исследователи В.Н. Беленцов, Ю.Б. Иванов, А.Н. Захарова, А.А. Кравченко, В.Г. Кроткова, В.А. Кучер, А.В. Половян, А. Ю. Юданов и др.

Конкурентоспособность предприятия в научной литературе принято считать способностью создавать и реализовывать продукцию, цена и качество которой более привлекательны для покупателей, чем у аналогичной продукции конкурентов на внутреннем и внешнем рынках [1, с. 29-36].

На сегодняшний день при выходе отечественных предприятий на мировые рынки, возникают проблемы обеспечения дальнейшего роста уровня конкурентоспособности на международной арене.

Возможными угрозами для стабильной деятельности предприятия являются следующие факторы: возникновение новых конкурентов, рост продаж товаров-заменителей, усиление давления со стороны покупателей и поставщиков, изменение потребностей и вкусов покупателей, а также неблагоприятная политика своего и зарубежных правительств, прежде всего в отношении налогов и регулирования внешнеэкономической деятельности. Чтоб разрешить эти возникающие задачи для закрепления конкурентных преимуществ, необходимо использовать научные подходы к управлению конкурентоспособностью.

Также на снижение конкурентоспособности предприятий влияют следующие факторы: недостаточная степень адаптации предприятий к рыночным условиям; ослабление внутриотраслевой конкуренции, а именно развитие олигополии, сохранение монополизма; недостаточный финансовый потенциал; низкий уровень менеджмента и маркетинговой деятельности предприятия; отставание от передовых стран мира в области исследований и разработок; отсутствие необходимой информации о ситуации на рынках.

Сегодня экономическое состояние на территории Донецкой Народной Республики претерпевает тяжелое кризисное время. В связи с нестабильным положением многие предприятия не в состоянии поддерживать свою деятельность, а те, что находятся в рабочем состоянии, не могут полноценно развиваться и использовать полный потенциал своих мощностей.

При анализе механизмов повышения конкурентоспособности предприятий главной компонентой механизма повышения конкурентоспособности предприятий выступает инновационная модель развития экономики. Это многофункциональная и комплексная система взаимодействия управления с постоянной адаптацией предприятия к внешней среде и повышением эффективности использования материальных, трудовых, интеллектуальных и финансовых ресурсов. Инновационная экономика является основным источником развития потенциала Донецкой Народной Республики и выведет государство на новый уровень.

Данный механизм включает инновационное управление на микроуровне, рыночный компонент функционирования предприятий, новые формы и методы государственного регулирования процессов повышения конкурентоспособности на макро-, мезо– и мегауровне, которые в совокупности определяют конечные результаты деятельности предприятий и уровень удовлетворения потребителей в конкурентоспособных товарах и услугах [2, с. 103].

Основными направлениями повышения конкурентоспособности предприятий в Донецкой Народной Республике могут быть:

овладение устойчивым положением на рынке, обладание передовой технологией и высоким потенциалом, собственными научно-исследовательскими разработками; способность организовывать и эффективно внедрять маркетинговые исследования; использование инновационных подходов с целью повышения эффективности использования трудовых, материальных, нематериальных и финансовых ресурсов, формирующих конкурентные преимущества предприятия; создание конкурентной среды в отраслях,

разработка предприятиями конкурентных стратегий и периодическое их обновление; формирование спроса на определенный товар и потребностей населения, которые предприятие может удовлетворить; повышение научно-технического и организационно-технологического уровня отраслей, обеспечивающих предприятие необходимыми материальными ресурсами и информацией; правовое обеспечение и совершенствование государственного регулирования процессов повышения конкурентоспособности отечественных предприятий и товаров, разработка рекламы, рекламных компаний и взаимодействие с общественностью; аналитика слабых и сильных позиций со стороны предприятий конкурентов на базе актуальной своевременной информации.

Перспективы дальнейших разработок состоят в первую очередь в постоянном мониторинге признаков характеристики конкурентоспособности предприятия и постоянного усовершенствования долгосрочного стойкого развития предприятия. Необходимо отметить, что в настоящее время существует ряд методик, которые оценивают уровень конкурентоспособности предприятий. Ряд ученых считают, что конкурентоспособность предприятия неразрывно связана с конкурентоспособностью продукции предприятия и утверждают, что товар (продукция) являются ключевым фактором для развития предприятия.

Инновационный подход к формированию и реализации организационно-экономического механизма обеспечения конкурентоспособности предприятий является основой для решения многих проблем социально-экономического развития Донецкой Народной Республики и повышения уровня жизни ее населения.

Предприятия, не способные составлять конкуренцию и не умеющие владеть технологиями эффективного развития, в результате прекращают свою хозяйственную деятельность. Таким образом, чем конкурентоспособность предприятия ниже, тем более становится вероятным его банкротство. Следует отметить, что достигнутые предприятиями высокие показатели конкурентоспособности предприятия выступают важными составляющими их имиджа, что позволит оказывать на рынке влияние на конкурентов, устанавливая правила игры.

В настоящее время стратегическим направлением развития экономики является электронная коммерция, которая имеет конкурентные преимущества в глобальной информационной среде. Это обусловлено современными реалиями стремительного цифрового развития в условиях интеграции в глобальные системы и инфраструктуры. По мнению ведущих ученых, «... Расширение доли цифровой или информационной экономики и ускорение роста ВВП за счет цифровизации входит в круг приоритетных проблем глобального масштаба...».

Согласно исследованиям Бостонской консалтинговой группы «цифровизация является ключевым драйвером роста ВВП».

По некоторым оценкам экспертов, доля глобальной информационной экономики уже сейчас с учетом цифровых навыков и цифрового капитала составляет 22,5% объема мировой экономики [3, с. 2].

Как показывает передовой зарубежный опыт, эффект от цифровой трансформации существующих и создание новых отраслей экономики может составлять 20% ВВП.

Потребности развития Донецкой Народной Республики на основе конкурентоспособности обуславливают изменения национальной экономики в контексте цифровизации и устойчивого развития. Именно это направление обуславливают изменения во всех сферах хозяйствования и человеческой жизнедеятельности. Интеграция с Российской Федерацией, реализация целей долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года требуют ускоренных изменений во внедрении требований цифровизации и устойчивого развития [4].

Одним из основных вопросов является использование информационно-коммуникационных технологий для решения социальных проблем. Технологическая цифровая революция, рост спроса на «зеленую» продукцию открывают новые пути для привлечения населения к участию в экономических процессах, создают новые условия труда, предпринимательства и организационные модели, обуславливают изменения распределения спроса на рабочую силу по секторам экономики. Умение использовать цифровые технологии в работе постепенно становится необходимым для большинства специализаций, то есть сквозным или многоплатформенным.

Рост электронной торговли на 60-70% обеспечивается переходом на покупки в интернете и лишь на 30-40% зависит от увеличения потребления [5, с. 4-6].

В современных условиях происходит перестройка системы электронной коммерции в соответствии с ожиданиями и запросами потребителей, осуществляются эксперименты с розничными форматами и мультиканальностью, используется передовой международный опыт реализации эффективных моделей электронного бизнеса.

На основе обследования аналитического агентства в сфере электронной коммерции Absolunet определены ключевые глобальные тренды интернет-торговли:

- возрождение офлайн-шоурумов у онлайн-торговцев;
- переход B2B-торговли к функциям интернет-магазинов;
- развитие интерфейсов дополненной реальности для товаров;
- расчет нового коэффициента ROPO (Research Online Purchase Offline), который показывает, сколько посетителей сайта интернет-магазина не совершило покупку по такой причине: посетитель использовал торговый сайт лишь как платформу изучения и выбора товаров, ознакомления с отзывами о них, а покупку затем осуществил офлайн;
- упрощение проверки мобайл-транзакций, количество которых значительно возрастает;
- применение индивидуального подхода к автоматической настройке сайтов и реклам под каждого клиента, а не под группы, аудитории;
- выход на маркетплейсы свободных онлайн-продавцов;
- развитие практики голосовых сообщений на сайтах, голосового SEO, поиска «примерно таких изображений товаров»;
- снижение роли браузеров.

Исходя из вышеизложенного, можно прийти к такому *выводу*. Несмотря на то, что каждый рынок имеет свои уникальные особенности, всё же есть нечто общее в том, как осуществляется конкуренция на разных рынках, и этого вполне

достаточно, чтобы сказать, что суть конкуренции может быть выражена единой аналитической концепцией, используемой для выявления природы и оценки интенсивности конкуренции. Социальные сети открывают новое пространство для предпринимательства и конкурентоспособности Донецкой Народной Республики. Для него появилась возможность заявить о себе на широкую аудиторию, в том числе и за пределами Донецкой Народной Республики, создать живой, интересный бренд, построить внутреннюю корпоративную культуру и информировать о себе мир. Благодаря социальным сетям пользователи сразу дают обратную связь о качестве товаров и услуг, а это мотивирует предпринимателей предлагать качественный продукт.

В результате активизации развития электронной коммерции в контексте цифровизации экономики возможно достичь:

- упрощение ведения малого и среднего предпринимательства при помощи информационно-коммуникационных и цифровых технологий;
- улучшение функционирования интернет-магазинов и повышение уровня их конкурентоспособности;
- эффективной организации и осуществления процедур интернет торговли;
- применение действенных финансовых технологий и инструментов продажи продукции;
- повышение уровня инвестиционной активности и привлечение нетрадиционных источников финансирования развития интернет-торговли;
- расширение рынков сбыта в условиях глобализации;
- усиление интеграции населения в европейское цифровое пространство.

Список использованной литературы:

1. Еремеева Н.В. Конкурентоспособность товаров и услуг: учебник и практикум для вузов / Н.В. Еремеева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 242 с.
2. Спиридонова Е.А. Основы инновационной деятельности: учебник и практикум для среднего профессионального образования / Е.А. Спиридонова. – Москва : Издательство Юрайт, 2019. – 298 с.
3. Digitizing Europe. Why northern european frontrunners must drive digitization of the EU economy / Emanuelle Alm, Niclas Colliander, Filiep Deforche et al; The Boston Consulting Group. – Stockholm: BCG, 2016. – 37 p.
4. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/41d457592e04b76338b7.pdf> (дата обращения: 01.02.2023).
5. Knickrehm M. Digital disruption: The growth multiplier. Optimizing digital investments to realize higher productivity and growth / M. Knickrehm, B. Berthon, P. Daugherty // Accenture. – 2016. – 12 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.accenture.com/_acnmedia/PDF4/AccentureStrategy-Digital-Disruption-Growth-Multiplier.pdf. (дата обращения: 01.02.2023).

УДК 366.54

**ПОРЯДОК ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ
ДИСТАНЦИОННОМ ТОРГОВОМ ОБСЛУЖИВАНИИ**

Шумская Виктория Алексеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vikuha692@gmail.com

Кондратьев Максим Витальевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: maksim.kondratev.0101@mail.ru

Мамыш Максим Сергеевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: maksim.mamysh2003@mail.ru

Станковский Семён Александрович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: semenst345@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данной статье рассмотрена одна из наиболее важных проблем современного российского общества – защита прав потребителей на дистанционном рынке. Ни для кого не секрет, что в период информатизации на первый план выходит обслуживание клиентов в режиме онлайн. Однако довольно сложным вопросом является то, что в нормативно-правовой базе РФ никаких особенностей оказания услуг и продажи товаров в сети Интернет не содержится, а они определенно есть. Именно эти проблемы и затронуты в нашей статье.

Abstract. This article examines one of the most important problems of modern Russian society – the protection of consumer rights in the remote market. It's no secret that during the period of informatization, online customer service comes to the fore. However, a rather complicated issue is that the regulatory framework of the Russian Federation does not contain any features of the provision of services and the sale of goods on the Internet, but they definitely exist. It is these problems that are addressed in our article.

Ключевые слова: потребитель, дистанционный рынок, торговое обслуживание, права потребителя в дистанционном торговом обслуживании.

Key words: consumer, remote market, trade service, consumer rights in remote trade service.

Защита прав потребителей на дистанционном рынке, таком как интернет-магазины, социальные сети и другие электронные платформы, является особенно важной, поскольку потребители могут столкнуться с дополнительными проблемами, которые связаны с отсутствием физического контакта с продавцом

и невозможностью проверки товара до покупки. Более того, именно этот вид маркетинга сейчас набирает все больший спрос в связи с глобальной информатизацией общества [1, с. 12-15]. Дополнительный толчок в развитие дистанционной торговли дала эпидемия, вызванная новой Коронавирусной инфекцией, закрылись многие торговые центры, государственные учреждения, развлекательные центры. Все более актуальным становилось получение услуг и товаров бесконтактно, через Интернет. Российское общество не в полной мере было готово к данным изменениям, как и законодательство РФ, поэтому в процессе защиты прав потребителей при онлайн торговле вызывает некоторые затруднения, их мы и затронем в нашей статье.

Для обеспечения защиты прав потребителей на дистанционном рынке, многие страны принимают соответствующие законы и регулятивные меры, а также создают специальные агентства по защите прав потребителей, которые могут рассматривать жалобы и проводить расследования в случае нарушения прав потребителей на дистанционном рынке. Например, в США существует Федеральная комиссия по торговле (Federal Trade Commission), которая занимается защитой прав потребителей при онлайн торговле. В Европейском союзе функцию защиты прав потребителей выполняет Европейская комиссия, а также национальные органы по защите прав потребителей в каждой стране-члене [2, с. 6-11].

В России защита прав потребителей на дистанционном рынке регулируется Федеральным законом «О защите прав потребителей» и Федеральным законом «Об электронной коммерции». Эти законы устанавливают правила взаимодействия между продавцами и покупателями на дистанционном рынке и определяют порядок рассмотрения претензий и споров, связанных с защитой прав потребителей. Однако в законе «О защите прав потребителей» под виртуальное торговое обслуживание отводится лишь статья 26.1, а в ФЗ «Об электронной коммерции» речь идет лишь о защите персональных данных.

Согласно Федеральному закону «О защите прав потребителей», продавцы на дистанционном рынке обязаны предоставлять потребителям полную и достоверную информацию о товарах и услугах, в том числе о цене, доставке, гарантиях и возврате товара. Также продавцы обязаны предоставлять потребителям возможность отказаться от товара в течение 7 дней после получения. Потребители, в свою очередь, имеют право на защиту своих интересов на дистанционном рынке. Они могут требовать от продавца полной и достоверной информации о товаре или услуге, а также требовать возврата денежных средств, если товар не соответствует заявленным характеристикам или был получен с нарушением правил продажи.

Кроме основных положений Федерального закона «О защите прав потребителей» и Федерального закона «Об электронной коммерции», в России существуют и другие правовые акты, регулирующие дистанционную продажу

товаров и услуг [3, с. 20]. Например, это Правила продажи товаров дистанционным способом, утвержденные Постановлением Правительства РФ от 27.09.2007 №612. В соответствии с этими Правилами, продавцы, осуществляющие продажу товаров дистанционным способом (через интернет-магазины, телефон и т.д.), должны предоставлять потребителям полную информацию о товаре или услуге. В том числе, описание товара или услуги должно быть достаточно подробным и точным, чтобы потребитель мог принять взвешенное решение о покупке. Кроме того, цена товара или услуги должна быть указана точно, включая все налоги и дополнительные расходы (например, доставку). Продавцы также обязаны предоставлять потребителям возможность отказаться от товара в течение 7 дней после его получения, за исключением некоторых товаров, перечень которых определен Правительством РФ. Если товар не соответствует заявленным характеристикам, потребитель может вернуть его продавцу и потребовать возврата денежных средств.

Кроме того, в России существует порядок обращения потребителей в Роспотребнадзор в случае нарушения их прав при дистанционной продаже товаров и услуг. Потребитель может направить жалобу в Роспотребнадзор через электронную форму на официальном сайте Роспотребнадзора или лично обратиться в приемную соответствующих органов. В случае возникновения споров между продавцом и потребителем, связанных с дистанционной продажей товаров и услуг, потребитель может обратиться в суд для защиты своих прав. Суд рассматривает споры в соответствии с законодательством и может принимать решения о возврате денежных средств, возмещении ущерба и т.д.

В целом, защита прав потребителей в России на дистанционном рынке регулируется не только законодательством, но и добровольными стандартами [4, с. 264-269]. Например, существует Кодекс электронной коммерции, разработанный Ассоциацией компаний электронной коммерции (АКИТ), который устанавливает основные принципы и правила дистанционной торговли в России. Несмотря на большое количество документов, при реализации торгового обслуживания дистанционно, все равно возникают некоторые затруднения [5, с. 53-55]. Некоторые из основных вопросов, которые нужно решить для обеспечения защиты прав потребителей на дистанционном рынке, включают:

1. Информация о товарах и услугах. Продавцы на дистанционном рынке должны обеспечить достаточную информацию о товарах и услугах, включая фотографии, описания, технические характеристики, цены и условия доставки.
2. Безопасность и конфиденциальность. Продавцы на дистанционном рынке должны обеспечить безопасность и конфиденциальность информации потребителей, включая данные о платежах и личную информацию.
3. Возврат товаров и денежных средств. Потребители должны иметь право на возврат товаров и денежных средств в случае некачественного товара или недоставки товара.

4. Гарантии и сервисное обслуживание. Продавцы на дистанционном рынке должны предоставлять гарантии на товары и услуги, а также предоставлять сервисное обслуживание.

5. Защита от мошенничества и недобросовестной конкуренции. Потребители должны быть защищены от мошенничества и недобросовестной конкуренции на дистанционном рынке.

6. Открытость и прозрачность. Дистанционный рынок должен быть открытым и прозрачным, чтобы потребители могли легко получать информацию о продавцах и оценивать их надежность.

Также важно, чтобы потребители сами знали свои права и могли защитить их [6, с. 127]. Для этого необходимо быть внимательными при покупке товаров и услуг на дистанционном рынке, проверять информацию о продавце и товаре, а также сохранять копии всех документов и электронных сообщений, связанных с покупкой.

В целом, защита прав потребителей на дистанционном рынке является важной задачей для государственных органов, организаций и потребителей самостоятельно. Только взаимодействие всех участников может обеспечить безопасный и доверительный дистанционный рынок для всех. Помимо государственных органов, роль в защите прав потребителей на дистанционном рынке играют и другие организации, такие как ассоциации потребителей и независимые организации по защите прав потребителей. Они могут предоставлять консультации и помощь потребителям в случае возникновения проблем на дистанционном рынке.

Для защиты своих прав потребители могут обращаться в Федеральную службу по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзор), а также в суд для решения споров, связанных с дистанционной продажей товаров и услуг. В целом, защита прав потребителей на дистанционном рынке в России осуществляется в соответствии с законодательством и подразумевает взаимодействие продавцов и потребителей на основе соблюдения правил и обязательств, определенных законом.

Важно отметить, что защита прав потребителей на дистанционном рынке имеет свои особенности по сравнению с обычной торговлей в магазинах. Например, при дистанционной покупке потребитель не имеет возможности ознакомиться с товаром перед покупкой и должен полагаться на описание продавца [7, с. 303]. Кроме того, при дистанционной покупке необходимо учитывать время доставки товара и особенности оплаты. Поэтому при покупке товаров или услуг на дистанционном рынке, потребитель должен быть внимательным и не забывать о своих правах. Перед покупкой необходимо внимательно ознакомиться с условиями продажи, характеристиками товара или услуги, а также политикой возврата и гарантий. Если у потребителя возникают вопросы или проблемы, связанные с дистанционной покупкой, он имеет право обратиться за помощью в органы государственного контроля и надзора, а также в

соответствующие ассоциации и общественные организации. Столь большое количество нюансов и объясняет необходимость обсуждения темы защиты прав потребителей в дистанционном торговом обслуживании.

Список использованной литературы:

1. Сердюк В.А. Защита прав заказчика-потребителя по закону Российской Федерации "О защите прав потребителей" / В.А. Сердюк // Студенческий вестник. – 2020. – № 23-3(121). – С. 12-15.
2. Абесалашвили М.З. Защита прав заказчика-потребителя по закону Российской Федерации "о защите прав потребителей" / М. З. Абесалашвили, Т. А. Зорина // Ученые записки: сборник научных трудов и статей / Под редакцией Л.А. Вицюк. Том Выпуск 2. – Москва-Белореченск: АНО "Научно-исследовательский институт истории, экономики и права", 2014. – С. 6-11.
3. Дыганова Р.Р. Специфика качества торгового обслуживания в дистанционной торговле / Р.Р. Дыганова // Актуальные задачи управления качеством и конкурентоспособностью продукции в современных условиях: Материалы международной научно-практической конференции, Казань, 10 ноября 2016 года / Под ред. Насретдинова И.Т. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью "Печать-Сервис-XXI век", 2016. – С. 20-21.
4. Горобенко Н.В. Механизм защиты прав заказчика-потребителя в договоре бытового подряда по закону РФ "О защите прав потребителей" / Н.В. Горобенко, М. Абесалашвили // Ученые записки: сборник статей ученых и аспирантов Адыгейского филиала Московской открытой социальной академии. Том Выпуск 7. – Краснодар: Издательство "Кубанькино", 2009. – С. 264-269.
5. Мухина М.М. Обслуживание покупателей в электронной торговле / М.М. Мухина, А. Ф. Никишин // Проблемы экономики и менеджмента. – 2016. – № 8(60). – С. 53-55.
6. Гусятникова Д.Е. 10 основных ситуаций. Защита прав потребителей при покупке товаров: продовольственные товары, товары длительного пользования, комплектующие части товаров, возврат и обмен товаров, экспертиза товаров, порядок и последствия предъявления претензии / Д. Е. Гусятникова; Д.Е. Гусятникова. – Москва: Изд-во Омега-Л, 2008. – 127 с. – (Защита прав потребителей).
7. Кирилловых А.А. Защита прав потребителей: вопросы правового регулирования / А.А. Кирилловых; А.А. Кирилловых. – Москва: Деловой двор, 2012. – 303 с. – (Busines's court).

УДК 340.8

ОБЩЕПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРАВА

Борисова Дарья Сергеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: darya-borisova-2022@mail.ru

Воднева Надежда Геннадьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vodnevanad@yandex.ru.

Вербякова Полина Максимовна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: polikmaksimovna18@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. На сегодняшний день в романо-германской правовой семье огромное значение имеют нормативно-правовые акты, в них, в свою очередь, отражаются основополагающие идеи и руководящие начала, определяющие всю сущность норм права – принципы права. В статье рассматривается вопрос, касающийся проблемы понимания общеправовых принципов уголовно-исполнительного права. Отсутствие законодательного закрепления принципов права и их определения порождает свободу их толкования, что является недопустимым. В научных трудах также разнятся мнения по поводу отнесения принципов уголовно-исполнительного права к общеправовым. Некоторые авторы относят принцип равенства осужденных перед законом к общеправовым принципам права, данную точку зрения признают не многие. В уголовно-исполнительном законе дается отсылка на общепризнанные нормы и принципы международного права, но сами они не перечисляются, и, следовательно, определение им не дается.

Abstract. To date, normative legal acts are of great importance in the Romano-German legal family, they, in turn, reflect the fundamental ideas and guiding principles that determine the whole essence of the norms of law – the principles of law. The article deals with the issue concerning the problem of understanding the general legal principles of penal enforcement law. The absence of legislative consolidation of the principles of law and their definition generates freedom of interpretation, which is unacceptable. In scientific works, opinions also differ on the attribution of the principles of penal enforcement law to general legal ones. Some authors attribute the principle of equality of convicts before the law to the general legal principles of law, this point of view is not recognized by many. The Penal enforcement Law refers to generally recognized norms and principles of international law, but they themselves are not listed, and, therefore, they are not defined.

Ключевые слова: уголовно-исполнительный кодекс РФ, уголовно-исполнительное законодательство, источники уголовно-исполнительного права, нормы права, нормы-принципы, принципы права, гуманизм, законность, демократизм, равенство осужденных перед законом, уголовно-исполнительное право.

Key words: *the Penal Enforcement Code of the Russian Federation, penal enforcement legislation, sources of penal enforcement law, norms of law, norms-principles, principles of law, humanism, legality, democracy, equality of convicts before the law, penal enforcement law.*

Нормы права можно разделить на несколько видов (нормы-дефиниции, нормы-правила и т.д.), среди которых выделяют нормы-принципы. Нормы-принципы – одна из важнейших составляющих всех действующих нормативно-правовых актов, в некоторых из них они прямо указаны и им дается непосредственное определение, а в некоторых они прослеживаются в самом тексте нормативно-правового акта. Недопустимо умалять значение норм-принципов, они должны неукоснительно соблюдаться всеми субъектами любых правоотношений. Но, несмотря на их огромную прикладную значимость, их важность не всегда признается на уровне правоприменения.

Уголовно-исполнительное законодательство не является исключением, в Уголовно-исполнительном кодексе Российской Федерации (далее – УИК РФ) статья 8 закрепила основные принципы уголовно-исполнительной политики нашего государства.

В самой уголовно-исполнительной системе Российской Федерации (далее – УИС) возникает ряд проблем, причина которых заключается не только в самой системе, но и в системе всех правоохранительных органов Российской Федерации. Одним из путей решения некоторых проблем УИС может послужить поиск единых основополагающих положений деятельности всех правоохранительных органов [1, с. 24]. В основном, главный приоритет следует отдавать общеправовым принципам права, так как они пронизывают абсолютно все отрасли российского права.

Одной из проблем реализации принципов права является отсутствие их прямого толкования в законе. В системе нормативно-правовых актов Российской Федерации действуют несколько законов, в которых закреплено определение каждому их принципов, например, в Уголовном кодексе РФ, Уголовно-процессуальном кодексе РФ, Гражданско-процессуальном кодексе РФ, Земельном кодексе РФ и др. Во многих нормативно-правовых актах принципы права только лишь перечисляются. Последнее нередко порождает за собой свободу толкования нормативно-правовых актов, а также приуменьшается роль и значение самих принципов.

Следовательно, законодателю следует давать наиболее точное толкование принципов права и их законодательное закрепление, как это уже было сделано в ранее перечисленных нормативно-правовых актах. Это, прежде всего, подчеркивает значимость каждого из принципов, а также исключается возможность их неправильного или искаженного толкования всеми субъектами права.

В УИК РФ как раз-таки нормы-принципы только перечислены, им уделено место в одной статье кодекса. Множество мнений по поводу толкования принципов возникают не только в научных кругах, но и создают проблемы для самого правоприменителя. Общеправовые принципы достаточно абстрактны, а возможность их широкого толкования сотрудниками УИС приводит к

увеличению разнообразных проблем, в том числе, подача жалоб со стороны осужденных в государственные органы и общественные организации.

В научной литературе также возникают споры о принадлежности каждого из принципов к общеправовым. Так, Малышева И.В. полагает, что общеправовыми принципами уголовно-исполнительного права являются принципы законности, гуманизма, демократизма и равенства [2, с. 46].

В то же время Макарова Н.А. считает, что общеправовыми принципами уголовно-исполнительного права являются принципы законности, гуманизма, демократизма [3, с. 133]. На наш взгляд, вторая позиция является наиболее верной, так как принцип равенства в УИК РФ звучит как «равенство осужденных перед законом», его необходимо читать и понимать целостно, а не отдельно.

Но, несмотря на то, что данные принципы находят свое отражение в Конституции Российской Федерации, а также во всех отраслях права, в нормах уголовно-исполнительного законодательства данные принципы обладают своей спецификой.

Также в статье 3 УИК РФ говорится о том, что все уголовно-исполнительное законодательство основывается на общепризнанных нормах и принципах международного права, но в самом кодексе они не перечисляются. Это породило за собой предложение «издать единое постановление Конституционного суда РФ, в котором аккумулировались бы общепризнанные принципы и нормы международного права» [4, с. 107].

Принцип гуманизма является одним из самых спорных и неоднозначных, не говоря уже о его реализации. Принцип гуманизма нашел свое отражение также в основном документе, определяющем цели уголовно-исполнительной политики – Концепции развития УИС РФ до 2030 года (далее – Концепция УИС).

Ромашов В.А. пишет, что авторы Концепции УИС полагают, что «сокращения пенитенциарного рецидива можно достичь не столько за счёт ужесточения наказаний и увеличения их сроков, сколько путём последовательной гуманизации жизнедеятельности осуждённых с их одновременной ресоциализацией» [5, с. 6]. Однако тут также возникает ряд вопросов: каков допустимый «уровень гуманизма»? какой минимальный «уровень гуманизма»? или какой необходимый «уровень гуманизма»?

По поводу принципа демократизма также возникает ряд споров, что вообще следует понимать под принципом демократизма в уголовно-исполнительном праве? Многие авторы, в их числе Королев Р.В., сходятся в том, что принцип демократизма – это участия граждан в деятельности учреждений и органов, исполняющих наказания и участие самих осужденных в процессе исполнения и отбывания уголовных наказаний [6, с. 126].

Принцип законности выражается в неукоснительном соблюдении всех предписаний норм права всем субъектами уголовно-исполнительных правоотношений, вне зависимости от их правового положения.

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что все нормы-принципы не могут действовать отдельно друг от друга, они все взаимосвязаны и дополняют друг друга. Нельзя выделять или умалять значение какого-либо из них, так как выделение одного влечет нарушение других принципов.

Также, как уже было сказано, законодателю следует внести изменения в действующий УИК РФ, а именно раскрыть содержание нормам-принципам, указанным в статье 8, дабы избежать их широкого и неправильного толкования.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Особенности взаимодействия уголовно-исполнительных инспекций с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел при исполнении условного осуждения лиц несовершеннолетнего возраста / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2014. – № 3(20). – С. 24-32. – EDN SNQYVN.
2. Малышева И.В. Общеправовые принципы в уголовно-исполнительном праве / И.В. Малышева // Вестник Кузбасского института. – 2015. – № 1(22). – С. 44-50. – EDN THPOOP.
3. Макарова Н.А. Общеправовые принципы как основа уголовно-исполнительного права / Н.А. Макарова // Юридическая наука и практика: Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. Том Вып. 9 Часть 1. – Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2021. – С. 131-134. – EDN LXQQRU.
4. Макарова О.В. Применение судами Российской Федерации общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров при рассмотрении уголовных дел: комментарий судебной практики / Под ред. К.Б. Ярошенко. – М.: КОНТРАКТ, ИНФРА-М, 2013. – Вып. 18. – С. 104-111.
5. Ромашов Р.А. Концепция развития УИС РФ до 2020 г. в системе современного права России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2012. – № 6. – С. 2-8.
6. Королев Р.В. К вопросу о понятии принципа демократизма в уголовно-исполнительном праве / Р.В. Королев // Бизнес в законе. – 2007. – № 4. – С. 125-126. – EDN JWQJMV.

УДК 343.2/.7

МЕДИЦИНСКОЕ УГОЛОВНОЕ ПРАВО КАК САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ ОТРАСЛЬ ПРАВА

Воднева Надежда Геннадьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vodnevanad@yandex.ru

Чикин Сергей Юрьевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: chikinsok-sok69@mail.ru

Цыденова Эрдэни Баяровна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: erdenitsydenova@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данной статье рассматривается вопрос о выделении самостоятельной отрасли уголовного права – медицинское уголовное право. Этот вопрос уже давно перерос в достаточно крупную научную проблему, породивший за собой множество научных работ, статей, монографий. Но на сегодняшний день обособление медицинского уголовного права носит только теоретический характер

Abstract. This article discusses the issue of the allocation of an independent branch of criminal law – medical criminal law. This issue has long grown into a rather large scientific problem, which has given rise to many scientific papers, articles, monographs. But today the isolation of medical criminal law is only theoretical in nature

Ключевые слова: медицинское уголовное право, медицинские работники, отрасль права, уголовное право, уголовный кодекс, уголовная ответственность.

Key words: medical criminal law, medical workers, branch of law, criminal law, criminal code, criminal responsibility.

Во все времена перед правоприменителем вставал вопрос об уголовно-правовой характеристике оказания медицинской помощи. На сегодняшний день квалифицировать общественно-опасные деяния медицинских работников достаточно затруднительно, так как они могут нарушить не только нормы уголовного закона, но и определённые установленные правила оказания медицинской помощи (способы, методы, алгоритмы) [1, с. 58].

Для того чтобы преодолеть сложность в юридической квалификации ошибок медиков в оказании медицинской помощи, а также иных противоправных действий работников медицинских учреждений, необходимо выделение в самостоятельную отрасль медицинское уголовное право [2, с. 812].

Если говорить про развитие медицинского права за рубежом, то там данная система заняла достаточно устойчивую позицию в правовой системе иностранных государств, она имеет свой предмет и метод правового регулирования, что нельзя сказать про правовую систему Российской Федерации.

В Германии на данный момент существует множество законов в области медицинского уголовного права («о стволовых клетках», «о защите эмбрионов» и т.д.) [3, с. 715].

Многие авторы считают, что право привлечения медиков к уголовной ответственности у государственных органов была ещё с XV века, в самых первых нормативно-правовых актах были предусмотрены определённые виды наказаний за преступления в сфере лечения, однако, нельзя говорить о какой-либо целостной системе при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности медиков [4, с. 275].

Наиболее активная деятельность по привлечению к ответственности медицинских работников началась в начале XX века. Это подтверждается Уголовным Кодексом РСФСР 1922 года, который включал в себя целую массу составов преступлений в области здравоохранения, но вот понятия врачебной ошибки в эти годы было неоднозначным даже для судебных медиков.

1 января 1961 года в силу вступает Уголовный Кодекс РСФСР 1960 г., в котором увеличивается количество уголовных наказаний за преступления, связанные с медициной. После этого в 1969-1971 годах принимаются Основы законодательства СССР о здравоохранении и закон РСФСР «О здравоохранении», устанавливающие определённый перечень требований для медицинских и фармацевтических работников [5, с. 126].

В конце XX века вспыхивает волна врачебных преступлений, изменяется порядок расследования уголовных дел и в характер ответственности медицинских работников. Это было связано с обновлением законодательства нашего государства и кардинальными изменениями в общественной, политической, социальной, экономической жизни общества.

На сегодняшний день медицинские работники чаще всего привлекаются к уголовной ответственности за такие преступления как:

- 1) причинение смерти по неосторожности (ст. 109 УК РФ);
- 2) причинение тяжкого вреда здоровью по неосторожности (ст. 118 УК РФ);
- 3) неоказание помощи больному (ст. 124 УК РФ);
- 4) оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (ст. 238 УК РФ);
- 5) халатность (ст. 293 УК РФ) [6, с. 462].

Следственный комитет Российской Федерации осуществляет определённый учёт уголовных дел о врачебных преступлениях. По данным Следственного Комитета РФ в 2020 году поступило 5452 сообщения о преступлениях, совершаемых медицинскими работниками, аналогичный показатель прошлого года составлял – 6 599 сообщения. Указанные данные позволяют сделать вывод о том, что пандемия COVID-19 не внесла отрицательных изменений в состояние преступности медицинских работников [7, с. 80].

Преступления медиков тесно связаны с довольно объективными обстоятельствами, которыми выступают: достижения науки, обновление правового режима деятельности в области медицины, а также уровень образования и профессиональной подготовки, общее состояние здоровья населения, условия окружающей среды и многое другое.

Из всего вышеуказанного можно сделать вывод о том, что данный вид права начал зарождаться достаточно давно, но процесс его формирования ещё не завершён, поэтому в современной правовой реальности необходимо выделение самостоятельной отрасли – медицинского уголовного права, которое пока ещё является подотраслью уголовного права. Требуется разработка понятийного аппарата, общих положений, создание и модернизирование норм медицинского права. Правовая система Российской Федерации может заимствовать опыт у иностранных государств по вопросам медицинского уголовного права. Множество авторов уже занимаются данным вопросом, готовят предложения по формированию медицинского уголовного права [2, с. 811-812]. Некоторые из них обосновывают потребность введения понятия «медицинский риск» как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Следовательно, формирование новой отрасли права должно привести к тому, что общество будет защищено от общественно опасных деяний, совершаемых медицинскими работниками, а также и сама профессиональная деятельность медицинских работников будет защищена от необоснованного уголовного преследования.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Характеристика разграничения хулиганства в уголовном и административном праве / А.Г. Упоров // Право: история и современность. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 52-60. – DOI 10.17277/pravo.2022.01.pp.052-060.
2. Витовская Я.Д. Актуальные вопросы медицинского права в Российской Федерации / Я.Д. Витовская, А.Г. Упоров // Общество, образование, наука: современные тренды: Сборник трудов по материалам II Национальной научно-практической конференции, Керчь, 23-24 декабря 2022 года / Редколлегия: Е.П. Масюткин [и др.]. – Керчь: ФГБОУ ВО «Керченский государственный морской технологический университет», 2022. – С. 808-812.
3. Hilgendorf E. Einführung in das Medizinstrafrecht / E. Hilgendorf. – München: C.H. Beck, 2011. 143 S.
4. Топильская Е.В. Развитие уголовного законодательства об ответственности медицинских работников за причинение вреда жизни и здоровью пациентов / Е.В. Топильская // Уголовная политика и правоприменительная практика: материалы 7-й Междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 01-02 нояб. 2019 г. – Санкт-Петербург, 2019. – С. 275-281.
5. Аминев Р.И. Врачебная ошибка и ее уголовно-правовые последствия / Р.И. Аминев // Вестник Академии Следственного комитета Российской Федерации. – 2020. – № 1 (23). – С. 124-130.
6. Бимбинов А.А. Медицинские преступления: понятие и состояние / А.А. Бимбинов // Юридический вестник ДГУ. – 2019. – Т. 32. – № 4. – С. 136-140. – DOI 10.21779/2224-0241-2019-32-4-136-140.
7. Идрисов Н.Т. Нужны ли специальные уголовно-правовые запреты на врачебные преступления? / Н.Т. Идрисов // Медицинское право. – 2020. – № 3. – С. 20-25.

УДК 343.2/.7

ИНСТИТУТ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СИСТЕМЕ ИНСТИТУТОВ УГОЛОВНОГО ПРАВА

Володин Апрагам Альбертович, Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Васильев Алексей Михайлович, Кубанский государственный университет, г. Краснодар, E-mail: alexey771977@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена изучению института уголовно-правовой ответственности в уголовном праве Российской Федерации. В тексте рассмотрены определение и роль института уголовно-правовой ответственности в системе институтов уголовного права.

Abstract. This article is devoted to the study of the institute of criminal legal responsibility in the criminal law of the Russian Federation. The text examines the definition and role of the institute of criminal legal responsibility in the system of institutions of criminal law.

Ключевые слова: ответственность, институт уголовного права, преступление, законодательство, права и свободы.

Key words: responsibility, institution of criminal law, crime, legislation, rights and freedoms.

Современное общество сталкивается с рядом сложных проблем, связанных с уголовным правом и его институтами. Одним из основных институтов уголовного права является институт уголовно-правовой ответственности. Обеспечение правопорядка, защита прав и свобод человека, предотвращение преступлений и наказание виновных – это главные задачи этого института.

В настоящее время мы сталкиваемся с новыми вызовами и проблемами в области уголовного права. В контексте этих вызовов, необходимо рассмотреть институт уголовно-правовой ответственности с точки зрения его эффективности, роли в обществе и проблем, которые его применение встречает.

Институт уголовно-правовой ответственности – это совокупность нормативных актов уголовного права, которые определяют ответственность граждан за совершение преступлений и наказание за их совершение.

Основная задача института уголовно-правовой ответственности заключается в обеспечении правопорядка и защите прав и свобод человека. Регулирование уголовно-правовой ответственности осуществляется в российском законодательстве [5].

Регулирование уголовно-правовой ответственности в российском законодательстве осуществляется с помощью широкого круга нормативных актов, включая Конституцию Российской Федерации, уголовный кодекс, уголовно-процессуальный кодекс, Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», Гражданский кодекс, Закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», а также многочисленные приказы и

постановления правительства, разъяснения и интерпретации отдельных нормативных актов со стороны высших судебных и правоохранительных органов.

Основой регулирования уголовной ответственности в России является Уголовный кодекс Российской Федерации (УК РФ). В Уголовном кодексе закреплены основные принципы и нормы уголовной ответственности, а также классификация преступлений, минимальные и максимальные наказания в зависимости от характера совершенного преступления [1].

Кроме того, регулирование уголовной ответственности также осуществляется судами и правоохранительными органами, которые руководствуются действующим законодательством и юридической практикой при рассмотрении преступлений и назначении наказания в каждом отдельном случае.

В России существует ряд особенностей, которые определяют порядок применения уголовно-правовой ответственности [2]:

Во-первых, особенностью является то, что Российская Федерация располагает широкой сетью правоохранительных органов, включая полицию, Федеральную службу безопасности, Федеральную службу судебных приставов и другие государственные органы. Это позволяет быстро и эффективно расследовать совершенные преступления и наказывать их виновных лиц.

Во-вторых, особенностью является также то, что в России применяется презумпция невиновности – лицо, обвиняемое в совершении преступления, считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана в соответствии со законом. Это защищает права и свободы личности и предотвращает возможность произвольного применения уголовно-правовой ответственности.

В-третьих, в России существует разделение на категории преступлений, каждая из которых соответствует определенной категории уголовной ответственности. Это позволяет суд определить строгость наказания в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления. Кроме того, в России применяются различные меры освобождения от уголовной ответственности, в том числе амнистия и помилование, что позволяет учитывать индивидуальные обстоятельства каждого конкретного случая и смягчать наказание.

В-четвертых, в России применяется система приговорного производства, когда суд при вынесении приговора должен определить вид и размер наказания, а также компенсации за причиненный ущерб потерпевшим. При этом суды руководствуются принципом справедливости и учитывают все обстоятельства дела, включая личность обвиняемого, степень его вины, связанные с делом обстоятельства и т.д.

Таким образом, особенности применения уголовно-правовой ответственности в России заключаются в системе нормативных актов, которые регулируют правовые отношения в этой сфере, разделении на категории преступлений и категории уголовной ответственности, презумпции невиновности и системе приговорного производства, учитывающей все обстоятельства конкретного дела.

Место института уголовно-правовой ответственности в системе институтов уголовного права заключается в том, что это институт, регулирующий правовые отношения, связанные с уголовной ответственностью граждан за совершенные преступления. Он определяет категории преступлений и наказания за их совершение, устанавливает порядок и процедуру расследования преступлений и вынесения приговоров.

Роль института уголовно-правовой ответственности в обеспечении правопорядка заключается в том, что его функции направлены на защиту общественного порядка, безопасности и прав граждан. Применение уголовной ответственности выступает как средство пресечения нарушений прав и свобод, восстановления нарушенного закона и правопорядка, а также отвлечения дальнейших преступлений [6].

Институт уголовно-правовой ответственности играет важную роль в обеспечении правопорядка и предупреждении преступлений. Это связано с тем, что применение уголовной ответственности имеет дисциплинирующее действие на граждан, предотвращает совершение преступлений и обеспечивает защиту прав и свобод граждан. Кроме того, институт уголовно-правовой ответственности способствует созданию благоприятных условий для социально-экономического развития общества, поскольку гарантирует надежность судебной системы и возможность защиты закона.

Однако важно учитывать, что применение уголовной ответственности не должно нарушать прав и свобод граждан, а также не должно препятствовать достижению целей социально-экономического развития. Поэтому необходимо обеспечивать справедливость и защиту прав граждан в рамках применения уголовно-правовой ответственности [3].

С одной стороны, можно отметить, что институт уголовно-правовой ответственности является эффективным механизмом борьбы с преступностью. Благодаря ему осуществляется возмездие за совершенные преступления, повышается уровень правопорядка и безопасности населения. Кроме того, наличие строгой уголовной ответственности является сдерживающим фактором для потенциальных преступников.

С другой стороны, можно выделить некоторые проблемы, связанные с институтом уголовно-правовой ответственности. Например, существует риск ошибочного применения уголовного законодательства, что может привести к несправедливым и незаконным наказаниям. Также иногда возникают проблемы с обеспечением прав и свобод обвиняемых, что может нарушать их конституционные права.

Проблемы и перспективы развития института уголовно-правовой ответственности связаны с необходимостью постоянного совершенствования законодательства, а также с обеспечением прав и свобод граждан при применении уголовной ответственности [7].

Одним из перспективных направлений для развития института уголовно-правовой ответственности является повышение прозрачности судебных процессов и улучшение доступа граждан к правосудию. Также можно упростить некоторые процедуры, связанные с уголовной ответственностью, для ускорения рассмотрения дел [4].

В целом, можно сделать вывод, что институт уголовно-правовой ответственности является важной составляющей системы обеспечения законности в обществе. Его эффективность зависит от совершенствования законодательства и организации работы правоохранительных органов.

Перспективы дальнейшего развития института уголовно-правовой ответственности включают в себя введение новых технологий и методов работы правоохранительных органов, улучшение качества применения уголовной ответственности и защиты прав и свобод граждан, а также совершенствование судебной системы и повышение прозрачности судебных процессов. Кроме того, необходимо продолжать работу по предупреждению преступлений и поддерживать публичную инициативу в целях снижения криминальной обстановки в обществе.

Таким образом, продолжение работ по совершенствованию института уголовно-правовой ответственности позволит достигнуть более высоких результатов в борьбе с преступностью и обеспечить укрепление правового государства.

Список использованной литературы:

1. Sidorova E.Z., Tarubarov V.V., Okruzhko V.Y., Vasiliev A.M., Pelevin S.I. Safety issues of the russian educational system // Journal of Advanced Research in Law and Economics. – 2020. – Т. 11. – № 1. – С. 187-195.
2. Абдулаев А.А., Гитинова М.М. К вопросу о сущности уголовно-правовых институтов // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 9-1. – С. 111-116.
3. Алиев Р.И. К вопросу об уголовной ответственности юридических лиц в российском законодательстве // Государство и право. – 2020. – С. 285-286.
4. Андрианов В.К., Пудовочкин Ю.Е. Закономерности развития и функционирования института освобождения от уголовной ответственности // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2022. – № 5. – С. 139-161.
5. Савельев Ю.М. Институт уголовно-правовой ответственности // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. – 2022. – № 2. – С. 68-71.
6. Tileubergenov Y., Pelevina N., Taubaev B., Vasiliev A. The role of social memory in reconstruction of the historical past. social memory and historical past // Astra Salvensis. – 2018. – Т. 6. – № 12. – С. 67-72.
7. Куцурова Д.И., Дербок З.Г., Васильев А.М. Семейно-бытовое насилие и его концептуальные основы минимизации на законодательном уровне // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – № 6-5 (120). – С. 158-161.

УДК 343.611

**СКУЛШУТИНГ: УЖЕСТОЧЕНИЕ
УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**

Зайцева Олеся Викторовна, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, E-mail: zaitseva.o@bk.ru

Мерцалова Елена Вадимовна, Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, E-mail: mega.lena.lena@mail.ru

Ефименко Екатерина Андреевна, Саратовская государственная юридическая академия г. Саратов, E-mail: efimenkoeaterina644@gmail.com

Аннотация. В статье рассмотрено новое направление в сфере преступлений, связанных с убийствами в образовательных учреждениях – именуемое «скулшутинг». В связи с высоким распространением данного течения и многочисленных убийств, авторы полагают, что необходимо ввести изменения в уголовное законодательство и ужесточить меру наказания. Законодательная инициатива позволит сократить убийства подростков и преподавателей.

Abstract. The article considers a new direction in the field of crimes related to murders in educational institutions – called "schoolshooting". Due to the high prevalence of this trend and numerous murders, the authors believe that it is necessary to introduce changes in criminal legislation and tighten the penalty. The legislative initiative will reduce the murders of teenagers and teachers.

Ключевые слова: уголовное законодательство, скулшутинг, массовые убийства, образовательные организации.

Key words: criminal law, schoolshooting, mass murder, educational organizations.

В последнее время наблюдается тенденция увеличения случаев насильственных смертей в школьных учреждениях. Зачастую погибают учителя и ученики, при этом череда совершаемых преступлений имеет свойство копирования. Преступления данного характера получили название «скулшутинг». Согласно статистическим данным, только за 2021-2022гг. было совершено 8 массовых убийств с применением как огнестрельного, так и холодного оружия. Одни из самых на шумевших и повлекших наибольшие потери – нападения в Перми и Казани.

Нормы, установленные отдельными частями статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации, не в полной мере обеспечивают уголовно-правовую защиту общественных отношений, связанных с обеспечением безопасности образовательных учреждений. В связи с этим полагаем уместным ужесточение уголовной ответственности за преступления подобного характера. Необходимость модернизации современного уголовного законодательства продиктована возрастанием случаев нападения на образовательные организации.

Предлагается ввести понятие массового убийства с применением холодного или огнестрельного оружия, совершенное в результате нападения на учебное заведение без корыстных мотивов, а также ужесточить меру наказания за преступления, именуемые «скулшутинг» с целью предотвратить в дальнейшем тенденции преступлений подобного характера.

При этом до настоящего времени на законодательном уровне не закреплено такое понятие преступления, как массовое убийство с применением холодного или огнестрельного оружия, совершенное в результате нападения на учебное заведение без корыстных мотивов.

Одобрение предполагаемых поправок к УК РФ означает разграничение понятий: убийство и терроризм путем введения нового понятия. Более того, изменение закона предусматривает более серьезную санкцию, применяемую к лицу, совершившему преступление.

Это связано с количеством потерпевших, а также с недостижением ими совершеннолетнего возраста. Поскольку наблюдается прогресс в преступлениях подобного рода, где опасности подвергается большое количество несовершеннолетних лиц. Данная мера позволит наказать преступников по всей строгости уголовного закона.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо внести в Уголовный кодекс Российской Федерации (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. N 63-ФЗ) следующие изменения:

1) пункт а) части 2 ст. 105 после слов «двух или более лиц» дополнить словами «не предусмотренных статьей 105.1 настоящего кодекса»

2) главу 15. 1 дополнить статьёй 105.1 следующего содержания:

1. Массовое убийство с применением холодного или огнестрельного оружия, совершенное в результате нападения на учебное заведение без корыстных мотивов – наказывается лишением свободы на срок от восьми до двадцати лет с ограничением свободы на срок от одного года до двух лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью

2. Массовое убийство:

а) более 5 лиц;

б) с применением к пострадавшим угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью;

в) сопровождающееся доведением лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего;

г) с захватом или удержанием лица в качестве заложника;

д) с угрозой насилия –

наказывается лишением свободы на срок от двенадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от двух года до пяти лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью

3. Массовое убийство:

а) более 5 лиц несовершеннолетних;

б) с применением к пострадавшим угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью несовершеннолетним;

в) сопровождающееся доведением несовершеннолетнего лица до самоубийства или до покушения на самоубийство путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего;

г) с захватом или удержанием несовершеннолетнего лица в качестве заложника;

д) с угрозой насилия несовершеннолетнего лица –

наказывается лишением свободы на срок от пятнадцати до двадцати лет с ограничением свободы на срок от пяти года до семи лет, либо пожизненным лишением свободы, либо смертной казнью.

Кроме того, данные изменения поспособствуют разграничивать их и убийства, совершенные общеопасным способом. Поскольку под общеопасным способом убийства (п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует понимать такой способ умышленного причинения смерти, который заведомо для виновного.

Если в результате примененного виновным общеопасного способа убийства наступила смерть не только определенного лица, но и других лиц, содеянное надлежит квалифицировать, помимо п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а в случае причинения другим лицам вреда здоровью – по п. «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ и по статьям УК РФ, предусматривающим ответственность за умышленное причинение вреда здоровью [1].

Предположительно, ужесточенная мера ответственности позволит сократить в дальнейшем количество преступлений, связанных с убийством в образовательных организациях. Однако, согласно результатам криминологических исследований, суровое уголовное наказание если и оказывает, то незначительное влияние на уровень преступности, и превентивный эффект является весьма небольшим [2].

На наш взгляд, более действенным будет совокупность мероприятий, направленных на снижение статистики преступлений, именуемых «скулшутинг».

Подростки, склонные к скулшутингу, так или иначе были подвержены психологической деформации, которая могла быть основана на глубоких жизненных разочарованиях, травли и издевательствах со стороны сверстников. И совершаемые преступления – это демонстрация, привлечение внимания, способ для достижения справедливости, восстановления чувства контроля [3; с. 94]. Таким образом, необходимо, как можно, меньше освещать подобные преступления в СМИ. Кроме того, надлежащим образом важно обогатить учебные заведения системой безопасности, обладающей высоким реагированием.

Совокупность вышеперечисленных мероприятий позволит сократить число преступлений, связанных с массовым убийством в образовательных учреждениях.

Список использованной литературы:

1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» (ст. 105 УК РФ).
2. Якубов А.Е. Ужесточение наказания и проблемы совершенствования уголовного закона / А.Е. Якубов // Вестн. Моск. ун-та. – 2010. – № 4. – С. 24-35.
3. Карпова А.Ю. Скулшутинг в России: что имеет значение? / А.Ю. Карпова, Н.Г. Максимова // Власть. – 2021. – № 1. – С. 93-108.

УДК 343.35

ПРОФИЛАКТИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ НА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ СОТРУДНИКАМИ УИС

Тетерлева Екатерина Юрьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: katteterleva@mail.ru

Радеева Анастасия Александровна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: evgesha.mlka@gmail.com

Мельник Евгения Алексеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: evgesha.mlka@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данной статье рассмотрены причины совершения коррупционных правонарушений сотрудниками уголовно-исполнительной системы, предложены пути снижения числа таких правонарушений, а также приведены мотивы сотрудников уголовно-исполнительной системы, побуждающие совершать правонарушения в сфере коррупции.

Abstract. This article examines the reasons for the commission of corruption offenses by employees of the penal enforcement system, suggests ways to reduce the number of such offenses, and also provides the motives of employees of the penal enforcement system that encourage them to commit offenses in the field of corruption.

Ключевые слова: сотрудник, коррупция, коррупционные правонарушения, уголовно-исполнительная система.

Key words: employee, corruption, corruption offenses, penitentiary system.

На сегодняшний день в Российской Федерации (далее – РФ) термин «коррупция» является неким негативным побудителем отрицательного общественного мнения. При выявлении фактов коррупционных правонарушений, совершаемых сотрудниками правоохранительных органов конкретного структурного подразделения, в сознании гражданского населения ставится под сомнение эффективность данного подразделения. Федеральная служба исполнения наказаний проводит масштабную борьбу с коррупционными правонарушениями. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г., утвержденная распоряжением Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р, на долгосрочную перспективу приняла методическое обеспечение разработки и осуществления мер, непосредственно направленных на предупреждение и пресечение коррупционных правонарушений сотрудниками уголовно-исполнительной системы (далее – УИС), реализацию в рамках ведомственного плана комплекса мер по искоренению коррупции в системе [1].

Коррупция в УИС, как и в других правоохранительных системах, отличается повышенной общественной опасностью, так она находится в

плоскости особых правоотношений. Одна сторона данных правоотношений – сотрудники правоохранительных органов, а другая – преступники. При этом немалая часть коррупционных правонарушений совершается сотрудниками УИС, призванных оказывать воспитательное и исправительное воздействие на спецконтингент, осуществлять эффективную реализацию уголовной политики государства [2, с. 64].

Коррупция в УИС связана с системой исправительных учреждений, судебных и исполнительных органов конкретного государства. Формы проявления коррупции, степень распространения, методы борьбы с ней тесно связаны с правовой системой государства, политическим режимом, государственным устройством, степенью развитости гражданского общества, традициями и системой ценностей конкретного общества [3, с. 122].

Большинство коррупционных правонарушений в УИС связано с нелегальным предоставлением осужденным условно-досрочного освобождения, проносом запрещенных веществ на режимную территорию, изменением режима отбывания наказания, изменением вида исправительного учреждения, превышением должностных полномочий.

К факторам, которые влияют на возникновение и осуществление коррупционных правонарушений сотрудниками УИС можно отнести:

- правовой нигилизм у сотрудников УИС;
- пренебрежительное отношение сотрудников УИС к антикоррупционному поведению;
- ненадлежащее исполнение сотрудниками действующего законодательства по предупреждению и пресечению коррупционных правонарушений;
- низкое материальное положение;
- отсутствие нравственных и моральных установок.

Для эффективного противодействия коррупции в УИС целесообразно разнообразить меры по укреплению правопорядка в пенитенциарных учреждениях. Во-первых, следует ужесточить нормы уголовного законодательства за коррупционные правонарушения, во-вторых – принять широкий круг социально-экономических и организационно-оперативных мер по противодействию коррупции в исправительных учреждениях. Данный круг мер предусматривает предоставление социальных и экономических гарантий сотрудникам, установление достаточной заработной платы. Противодействие коррупции должно осуществляться комплексно, используя современные подходы и методики, которые, в свою очередь, направлены на формирование правового сознания сотрудников, понимание коррупции как нечто чуждое явление человеческой идеологии. В данную деятельность также должны внести свои «плоды» ученые – представители разных отраслей права, педагогики, а также психологии. Также существует необходимость в проведении определенных мероприятий среди сотрудников, направленных на повышение правовой грамотности. Например, проверять знания о нормативно-правовых актах, антикоррупционном поведении, путем систематического тестирования.

Следует отметить о необходимости совершенствования кадровой политики. Очень важна организация кадровой работы в части контроля

актуального состояния сведений, содержащихся в анкетах, представляемых в кадровые подразделения при поступлении на службу, об их родственниках для обнаружения возможного конфликта интересов. Для наиболее качественного отбора кандидатов на службу в УИС необходимо повысить требования к профессиональным, психологическим и морально-нравственным качествам претендентов на службу. Это необходимо для своевременного выявления лиц, склонных к социально-девиантному поведению. В результате данного направления складывается система противодействия таким негативным явлениям, как взаимоотношения сотрудников с осужденными по мотивам корыстной и другой личной заинтересованности, служебный протекционизм, взяточничество [4, с. 120].

Стимулирование осужденных сообщать факты, непосредственно связанных с коррупционными правонарушениями сотрудников УИС, будет способствовать борьбе с коррупцией. В связи с этим необходимо:

- информировать осужденных о противоправности дачи взяток, о наступлении уголовной ответственности за данные действия;
- создать памятку для осужденных, в которой будут прописаны определенные действия лица, ставшего жертвой возможного вымогательства со стороны сотрудников;
- оснащать уголки правовой информации антикоррупционными плакатами.

Итак, можно сделать вывод о том, что борьба с коррупционными правонарушениями одна из главных проблем современного общества. Предупредительные меры, обладающие свойством профилактического воздействия и направленные на формирование антикоррупционного мировоззрения, должны выполняться в регулярном и комплексном порядке, для того, чтобы снизить число совершаемых коррупционных проявлений и риска развития иных преступных деяний в исправительных учреждениях.

Список использованной литературы:

1. О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 29.04.2021 № 1138-р // Собрание законодательства РФ. 17.05.2021, № 20. ст. 3.
2. Упоров А.Г. Институциональный подход к противодействию коррупции в уголовно-исполнительной системе: зарубежный и российский опыт / А.Г. Упоров // Право: история и современность. – 2021. – № 2(15). – С. 122-124.
3. Аксенова А.В. Коррупционные проявления в уголовно-исполнительной системе // Современные научные исследования и разработки. – 2018. – № 4. – С. 64-66.
4. Упоров А.Г. Дисциплинарная ответственность сотрудников правоохранительных органов / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 1(14). – С. 117-124.

УДК 343.8

**ВОСПИТАТЕЛЬНАЯ РАБОТА С ОСУЖДЕННЫМИ,
ОТБЫВАЮЩИМИ УГОЛОВНОЕ НАКАЗАНИЕ
В ИСПРАВИТЕЛЬНОМ УЧРЕЖДЕНИИ**

Эйрих Иван Евгеньевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: eirih_ivan@mail.ru

Леушкин Дмитрий Евгеньевич, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: lieushkin20@gmail.com

Мельник Евгения Алексеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: evgesha.mlka@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данной статье рассмотрены особенности организации и проведения воспитательной работы с осужденными, имеющих склонность к нарушению режима в исправительных учреждениях. В статье проанализированы причины нарушения установленного порядка отбывания наказаний, а также выявлены значимые проблемы, отрицательно влияющие на эффективность воспитательной работы, и предложены пути решения.

Abstract. This article discusses the features of the organization and conduct of educational work of convicts who are inclined to violate the regime in correctional institutions. The article analyzes the reasons for the violation of the established procedure for serving sentences, as well as identifies significant problems that adversely affect the effectiveness of educational work and suggests solutions.

Ключевые слова: воспитательная работа, спецконтингент, осуждённые, режим, исправительное учреждение.

Key words: educational work, special contingent, convicts, regime, correctional institution.

На сегодняшний день систематические нарушения установленного порядка отбывания наказаний, являются главным противостоянием реализации главной цели уголовно-исполнительного законодательства – исправлению осуждённых. Многогранное исследование данной проблемы, а также процесс разработки новых направлений, методов и форм воспитательной работы, которые включают в себя совокупность мероприятий, нацеленных на исправление, самовоспитание разных категории осужденных, отражается в

теоретических исследованиях пенитенциарной педагогики и в организационной деятельности исправительных учреждений.

В соответствии с частью 2 статьи 110 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, организация воспитательной работы с осужденными должна строиться по принципу дифференциации, также строится на основе индивидуальных, групповых и массовых формах с использованием психологических и педагогических методов воздействия [1].

В.А. Уткин под воспитательной работой подразумевает комплекс объективных и субъективных воздействий, направленных сотрудниками исправительных учреждений, для выработки у осужденных социально-полезных связей и уверенности в будущем [2, с. 249].

Л.А. Латышева подчеркивает, что особое внимание при воспитательной работе со спецконтингентом необходимо уделять включению осужденных в позитивно-ориентированные виды деятельности. Под этим она понимает творческую, трудовую, социальную работу, непосредственно способствующую самосовершенствованию, всестороннему развитию активности и самостоятельности осужденных. По ее мнению, эффективность воспитательной работы зависит как от количества проведенных мероприятий, так и от качества проделанной работы [3, с. 113].

В пенитенциарных учреждениях отбывают наказание осужденные, которые склонны к систематическому нарушению режима, которые негативно реагируют на воспитательную работу, не стремятся исправиться, не желают сотрудничать с администрацией [4, с. 80]. Главной причиной нарушения режима осужденными в местах лишения свободы являются личностные качества осужденного, которые в совокупности с полученным стрессом в результате изоляции от социума создают негативные установки в сознании осужденного. На этом фоне развивается психологическая нестабильность, которая проявляется в виде неуважения к закону, а также систематическому нарушению правил внутреннего распорядка исправительного учреждения [5, с. 115].

Организационные мероприятия и проведение воспитательной работы с данной категорией осужденных требует от сотрудников пенитенциарного учреждения больших усилий, привлечения в процесс исправления представителей общественных и религиозных организаций, индивидуального подхода к осужденному и высокого профессионализма.

Одной из причин, препятствующей результативной организации и проведению воспитательной работы со спецконтингентом, склонным к нарушению режима, является проблема с комплектованием воспитательных аппаратов пенитенциарных учреждений высококвалифицированными специалистами. Ведь высокий уровень текучести кадрового состава не позволяет в полной мере достигнуть значимой степени профессионализма и знаний

педагогических методов воздействия на осужденных, что негативно оказывает влияние на качество проводимой сотрудниками воспитательной работы со спецконтингентом в местах лишения свободы [6, с. 80]. Так как воспитательная работа с осужденными определяется главной в системе целенаправленного воздействия на них с целью исправления, то сотрудник должен быть высоконравственным, достаточно образованным, обладать достаточными знаниями в сфере педагогики, психологии, социологии, юриспруденции, а также иметь опыт работы с осуждёнными.

Процесс воспитания осужденного должен реализовываться с помощью постановки строгих законных требований по соблюдению правил внутреннего распорядка, а также с учетом психологических особенностей личности. Следовательно, наиболее действенной формой воспитательного воздействия выступает индивидуальная работа со спецконтингентом, в частности с нарушителями режима в местах лишения свободы. Для верной организации индивидуальной воспитательной работы необходимо заранее изучить личность осужденного, используя при этом психологические тесты. Сотруднику важно соблюдать принцип уважения личности осужденного, что служит главным условием воспитательной работы.

У осужденных, которые нарушают правила внутреннего распорядка, отсутствуют устойчивые нравственные начала, поэтому важно акцентировать внимание на нравственное воспитание. У большей части осужденных нравственные чувства находятся в неразвитом или приглушенном состоянии, отсутствует сострадание и чувство жалости в целом, а также присутствует эгоизм, жестокость. Поэтому при организации нравственного воспитания необходим комплекс мероприятий, который даст толчок к развитию в нём положительных личностных качеств. Само по себе нравственное воспитание возможно достичь с помощью систематического проведения бесед, лекций с осуждёнными под обязательным контролем сотрудниками психического и эмоционального состояния. Не стоит забывать о социально-полезных связях осуждённого с родственниками и друзьями. При наличии у заключенного за пределами исправительного учреждения близких, с которыми он постоянно взаимодействует, при грамотной и четкой работе сотрудников, социально-полезные связи служат катализатором для изменения их в лучшую сторону.

Особую роль имеет религиозное воздействие на сознание осуждённых, ведь большая часть лиц попавших в места лишения свободы в период отбывания наказания начинает придерживаться правил и устоев определенной религии. В таком случае встреча нарушителей режима со священнослужителями, является ценной для данной категории лиц. Священнослужитель, пользуясь своим авторитетом, с помощью бесед и покаяний может направить на правильный путь отрицательно характеризующегося осужденного.

Итак, воспитательная работа в исправительных учреждениях нацелена на коррекцию отрицательного поведения личности, устранение отрицательно-направленных установок и взглядов, а также привития положительных качеств, пропорциональным социальным нормам. Воспитательная работа с осужденными требует от сотрудников исправительных учреждений многогранного и системного подхода, на постоянной основе совершенствующейся, и отвечающей требованиям действительности [2, с. 250].

Список использованной литературы:

1. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации: Федеральный Закон от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 11.06.2022) // Российская газета. – № 9. – 1997.
2. Нимарицына О.Ф. Воспитательное воздействие на лиц, приговоренных к лишению свободы / О.Ф. Нимарицына // Молодой ученый. – 2018. – № 50(236). – С. 249-250.
3. Латышева Л.А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы / Л.А. Латышева // Юридическая наука и практика. – 2015. – С. 113-114.
4. Упоров А.Г. К вопросу об административно-правовом режиме в исправительном учреждении / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2016. – № 3(28). – С. 80-88.
5. Степанов М.В. Воспитательная работа – ведущее средство исправления осужденных / М.В. Степанов // Пробелы в российском законодательстве. – 2014. – № 1. – С. 115-116.
6. Упоров А.Г. Применение профессионально-ориентированных образовательных технологий обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 3(16). – С. 79-82.

УДК 347.9

**ОТДЕЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГРАЖДАНСКОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

*Криндач Александр Григорьевич, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка,
E-mail: dach20001@yandex.ru*

*Буруян Артур Вячеславович, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, E-mail:
artur_burujan@mail.ru*

Аннотация. В статье исследованы основные направления повышения эффективности гражданского судопроизводства, повышение процессуальной активности суда в условиях переходного периода для новых территорий Российской Федерации.

Abstract. The article examines the main directions of increasing the efficiency of civil proceedings, increasing the procedural activity of the court in the conditions of the transition period for the new territories of the Russian Federation.

Ключевые слова: гражданский процесс, гражданское судопроизводство, критерии судопроизводства, правосудие, процессуальные действия.

Key words: civil process, civil proceedings, criteria of legal proceedings, justice, procedural actions.

Государственной Думой Российской Федерации 3 октября 2022 года принят Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» (далее – ФКЗ), который устанавливает сроки и регулирует порядок интеграции ДНР как нового субъекта Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы РФ. В связи с данным судьбоносным событием хотелось бы рассмотреть некоторые особенности законодательства РФ, с которыми придется региону адаптироваться.

Стратегией реформирования судостроительства, судопроизводства и смежных правовых институтов среди направлений реформирования определено обеспечение независимости, беспристрастности судей, а также повышение эффективности правосудия и оптимизация полномочий судов разных юрисдикций [1]. К свойствам эффективного правосудия относятся соблюдение установленной процессуальным законом процедуры, соблюдение процессуальных сроков, правильное установление достоверных фактов и точное применение к ним закона. К критериям эффективности судебной системы относят отражающие стандарты ее организации, позволяют оценить качество работы судебной системы и связанные с достижением положительных целей правосудия, стандарты профессионализма судей и работников суда, уровень легитимности института суда в обществе [2, с. 11]. Учитывая цели и функции правосудия по гражданским делам, условия эффективности правосудия следует определять исходя в первую очередь из условий формирования новой государственности.

Оптимизация судебной власти в основном касается тех факторов, которые обеспечивают эффективность судопроизводства посредством внедрения надлежащих процедур судебного разбирательства. При этом ресурс судебной власти сосредотачивается в судебной юрисдикции, дискреционных полномочиях суда и обязательности судебных решений. Общемировые проблемы эффективного судопроизводства могут решаться по-разному через разное сочетание частноправовых и публично-правовых основ в установлении процессуальных средств. Например, в Германии актуальны публично-правовые методы судебной защиты, связанные с усилением власти суда и обязанностей сторон содействовать развитию процесса (принцип концентрации). Большинство ученых ФРГ считали, что принцип состязательности потерял свое значение и немецкое судопроизводство не может осуществляться без вмешательства суда, что будет служить скорости, эффективности и справедливости судебного разбирательства [3, с. 51].

Основные тенденции развития современного гражданского процесса состоят в двустороннем сближении соревновательного и следственного типов судопроизводства. Сближение характеризуется тем, что развитие процесса понимается как оптимальное соотношение активности сторон и суда. Классическая модель состязательности уступает процессуальной модели, суть которой заключается в реализации идей экономичности и концентрации процесса, разделении ответственности за ход процесса между сторонами и судом, усилении активной роли суда вследствие признания существующего и общественного интереса в завершении судопроизводства [4, с. 71]. Правосудие по гражданскому делу приобретает свойство эффективности при условии, если в результате рассмотрения конкретного гражданского дела судья принимает законное, обоснованное и справедливое решение. Достижение такой цели обеспечивается закреплением в нормах гражданского процессуального права юридических средств, призванных создавать на всех стадиях судопроизводства благоприятные условия для достижения целей судопроизводства.

В соответствии с рекомендациями Кабинета Министров Совета Европы суд должен обеспечить оперативность судебного разбирательства с соблюдением прав сторон и принципа их равенства. Активная роль суда заключается в возможности требовать от сторон объяснений, которые признает суд необходимыми, и личной явки; вызывать свидетелей, особенно когда речь идет об интересах других лиц, кроме участвующих в деле; контролировать допрос свидетелей; исключать из участия в рассмотрении дела лиц, чьи возможные свидетельства не касаются этого дела, ограничивать количество свидетелей по делу и тому подобное [5, с. 64].

Согласно международным принципам гражданского судопроизводства, направленным на совершенствование функционирования системы правосудия, судебное производство обычно должно состоять не более чем из двух судебных заседаний: первое заседание может быть предварительным слушанием подготовительного характера, а в ходе второго заседания могут представляться доказательства, заслушиваться аргументы сторон и, по возможности, приниматься решения. Суд должен принимать меры для того, чтобы все

действия, необходимые для проведения второго заседания, проводились вовремя, кроме случаев установления новых фактов или других исключительных и важных обстоятельств. К любому участнику процесса должны применяться санкции, если он, получив соответствующее уведомление, не предпринимает процессуальных действий в сроки, установленные законом или судом. В зависимости от обстоятельств такие санкции могут включать лишение права на процессуальное действие, возмещение причиненного ущерба или расходов, наложение штрафа и отказ от рассмотрения дела.

Во время судебного разбирательства и во время судебного разбирательства Суд должен играть активную роль в обеспечении быстрого осуществления проводимости с соблюдением прав сторон, включая право на равное отношение. В частности, суд должен быть наделен полномочиями требовать от сторон необходимых разъяснений, личной явки, свидетельств, по крайней мере, в случаях, когда речь идет не только об интересах сторон по делу; контролировать процесс получения показаний; исключать из производства свидетелей, чьи возможные свидетельства не будут иметь отношения к делу; ограничивать количество свидетелей по конкретному обстоятельству по делу, если количество свидетелей оказывается слишком большим. Эффективность судебной деятельности может быть оценена через достижения судом истинных выводов о спорных правоотношениях. При разрешении гражданско-правового спора в целях выполнения задачи осуществления справедливого судопроизводства суд должен определить круг юридических фактов, с которыми увязывается возникновение спорного правоотношения. Следовательно, судебное познание обстоятельств дела, осуществляемое через процедуру доказывания, должно приводить к полному и правильному знанию фактов, имеющих значение для разрешения дела, что будет обуславливать принятие правосудных решений. В условиях соревновательного процесса это не всегда достижимо.

По действующему законодательству предоставление доказательств, учитывая соревновательные и диспозитивные основы гражданского судопроизводства, возложено на лиц, участвующих в деле. На суд возложена функция содействия всестороннему и полному выяснению обстоятельств дела, создания условий для всестороннего, полного и объективного выяснения и исследования доказательств (ст. 67 ГПК РФ) [6]. Низкий уровень активности суда в гражданском судопроизводстве неизбежно приведет к тому, что во многих случаях судом не будет обеспечена реализация лицами, участвующими в деле, предоставленных законом процессуальных прав. В результате цели правосудия не будут достигнуты и правосудие не будет обладать свойствами эффективности. Поэтому повышение процессуальной активности суда должно быть определяющим при реформировании судостроительства и гражданского судопроизводства. Оптимизация полномочий судов в связи с европейскими тенденциями развития смешанного типа судопроизводства как соотношение активности сторон и суда связана, прежде всего, с повышением роли суда в управлении процессом. Процессуальная активность суда связана с реализацией в гражданском процессе таких принципов, как диспозитивность и состязательность, их местом в достижении цели правосудия по гражданским

делам, была предметом рассмотрения указанных ученых-процессуалистов, впрочем, несмотря на основательные исследования, оптимизация и повышение эффективности судопроизводства с позиции роли процессуальной активности остается не решенной.

Указанные положения означают, что, несмотря на руководящую роль соревновательных и диспозитивных основ в развитии гражданского процесса в Российской Федерации, справедливое судопроизводство может быть достигнуто исключительно при повышении процессуальной активности суда, основным направлением которой может быть расширение полномочий суда по формированию доказательного материала и привлечение участников процесса по своей инициативе.

Список использованной литературы:

1. О развитии судебной системы Российской Федерации [Электронный ресурс]: Постановление X Всероссийского съезда судей РФ (принято X Всероссийским съездом судей 1 декабря 2022 года № 1) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/1300254865> (дата обращения: 14.02.2023).
2. Губенок И.В. Эффективность правосудия как гарантия защиты нарушенного права: проблемы теории и практики: специальность 12.00.01 «Теория и история права и государства; история правовых учений»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Губенок Игорь Васильевич. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.
3. Здрок О.Н. Гражданский процесс зарубежных стран. Курс лекций: учеб.пособ. / О.Н. Здрок. – Минск: БГУ, 2004. – 147 с.
4. Пути интенсификации работы судебной арбитражной системы в России: сб. творческих работ студентов. – Омск: ОмГУ, 2009. – 109 с.
5. Малюкина А.В. Принцип концентрации гражданского процесса: основные теоретические положения и их реализация: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15: защищена: 13.06.2009 / Малюкина Анастасия Викторовна; Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова. – М., 2008. – 156 с.
6. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации № 138-ФЗ от 14 ноября 2002 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 14.02.2023).

УДК 341.123

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ОБЕСПЕЧЕНИИ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Мороз Дарья Евгеньевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vjhj2014@gmail.com

Истомина Диана Максимовна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: dianaistomina197@gmail.com

Потапенко Алина Сергеевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: alinochka.potapenko@inbox.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данной статье проанализированы исторические аспекты создания международных организаций, цели их создания и реальные операции, которые были предприняты для обеспечения международной безопасности. Освящена эффективность международных организаций в современном обществе и приведены примеры миротворческих операций. Также выдвинуты авторские предположения по усовершенствованию их деятельности.

Abstract. This article analyzes the historical aspects of the creation of international organizations, the goals of their creation and the real operations that were undertaken to ensure international security. The effectiveness of international organizations in modern society is sanctified and examples of peacekeeping operations are given. The author's assumptions on the improvement of their activities are also put forward.

Ключевые слова: международные организации, международная безопасность, ООН, миротворческие операции, вооружение.

Key words: international organizations, international security, UN, peacekeeping operations, armament.

В настоящее время особенно актуален вопрос международной безопасности и снижения риска международной катастрофы. Долгое время мировая политика стремилась к обеспечению мира и совместном развитии. Самая широко известная международная организация на данный момент – это Организация Объединённых Наций (далее – ООН), которая занимается разносторонним развитием и отслеживанием международной безопасности [1, с. 220-221].

Однако изучая вопросы безопасности необходимо отследить их деятельность на историческом пути развития мира и способы решения проблем. Так, организация ООН была создана в 1945 году после Второй мировой войны с целью предотвращения потенциальных и существующих конфликтов в мире. Деятельность ООН безусловно, оправдана, так как под эгидой организации проводилось множество миротворческих операций, которые помогли отстаивать независимость и разрешать конфликты. Такими примерами могут послужить Восточный Тимор, Кот-д'Ивуаре, Судан и т.д. [2, с. 146].

Однако международная политика развивалась и со временем увеличивалось количество оружия; у сверхдержав, таких как СССР и США, отношения перешли в стадию так называемой «холодной войны» или войны вооружения. Безусловно, даже такого вида война представляла собой угрозу международной безопасности, так как каждая сверхдержава боялась потерять господство в мире и проиграть данную войну. Однако и в данном случае при непосредственном участии ООН была решена проблема с помощью документального урегулирования процессуальных действий по осуществлению контроля за развитием оружейного процесса двух стран, в том числе и ядерного оружия. Простыми словами, получилась некая договорённость постепенного и равного увеличения количества оружия [1, с. 221-222].

Также хотелось отметить тот факт, что ООН не имеет право запрещать отстаивать национальные интересы государств, об этом свидетельствует проведение миротворческих операций как со стороны России, так и со стороны США. Смысл миротворческих операций – отправление своих войск для урегулирования конфликтов или же наблюдение за условиями перемирия. Так, российские войска в январе 1994 г. были направлены в Руанду. В октябре 1994 г. была направлена группа военных наблюдателей в Грузию, в феврале 1995 г. – в Анголу, в марте 1997 г. – в Гватемалу, в мае 1998 г. – в Сьерра-Леоне, в июле 1999 г. – в Восточный Тимор, в ноябре 1999 г. – в Демократическую Республику Конго [3, с. 113]. Данные миротворческие операции были оправданы и способствовали поддержанию мирной обстановки.

Основными источниками концептуальных и доктринальных положений, регламентирующих участие Вооруженных сил РФ в миротворческой деятельности являются уставы ООН, СНГ, Концепция урегулирования конфликтов на территории государств-участников СНГ [4], Закон Российской Федерации «О порядке предоставления военного и гражданского персонала для участия в деятельности по поддержанию и восстановлению международного мира и безопасности», ряд других документов [5]. Возросшая роль международного миротворчества как средства разрешения вооруженных конфликтов нашла свое подтверждение в принятых в 2000 и 2010 гг. Военных доктринах Российской Федерации, где миротворческие операции

рассматриваются в качестве одной из форм применения Вооруженных сил Российской Федерации.

Вышеприведённые случаи имели положительный результат и полностью оправдывали миротворческую деятельность. Однако мы считаем, что в современной мировой истории существуют и факты неоправданных военных действий, которые фактически можно расценить как внедрение в деятельность независимого государства, что естественно запрещено. Таким примером, на наш взгляд, может служить военная операция НАТО «Союзная сила» против Союзной Республики Югославия которая началась 24 мая 1999 года и следом были проведены ещё несколько операций на территории Югославии [6, с. 25]. Имеются сведения, что в ходе данных операций пострадали более 10000 тысяч мирных жителей, этот результат был достигнут бомбардировкой 80 тысяч тонн бомб. Бомбы были скинуты на Белград, Приштину, Нови-Сад, Крагуевац, Панчево; в данном случае НАТО не получило одобрения от ООН на проведение миротворческой операции, но также ООН не смогла предотвратить фактически военные действия с причинением вреда мирному населению. В ходе данных операций Югославия перестала существовать как страна и была раздроблена на более мелкие государства.

По нашему мнению, в ряд неоправданных военных действий можно внести и военные действия в Ираке, или же, например, ранее войну США и Вьетнама. Достаточно показательным случаем является война США и Вьетнама. Так, если разбираться в причинах, то можно заметить, что США не могла вмешиваться в конфликт, который был зарождён между Францией и Вьетнамом по поводу территории бывшей колонии Франции [7, с. 41]. Однако США обеспечила финансовую поддержку французским войскам и после самостоятельно вторглась на территорию Вьетнама. В то время ООН также не смогла предпринять никаких мер для предотвращения конфликта, в результате чего военные действия были затянуты, вследствие этого погибли мирные люди и не были достигнуты цели США, выдвинутые ранее. То есть все стороны понесли потери, но ситуация в глобальном плане не изменилась, цели США не были достигнуты.

Случаев неоправданных военных действий достаточное количество, и мы видим, что ООН показывает свою неэффективность. В современном мире отношение к ООН меняется и исходя из подобных случаев теряется авторитет и доверие к данной международной организации. В связи с этим мы видим недозволительную политику США по отношению к другим государствам, а именно господствующее начало, которое в современном мире не должно иметь место.

Исходя из этого многие авторы говорят о потенциальной угрозе США, на которую в дальнейшем не смогут воздействовать международные организации, в связи с этим Российская Федерация в целях обеспечения защиты своего

населения и обеспечения безопасности на своей территории приостанавливает «Договор о стратегических наступательных вооружениях». Российская Федерация заявляет о том, что непосредственной причиной такого решения послужило невыполнение основных требований со стороны США. Также международные организации не могут разрешить данную проблему, чувствуя свою беспомощность в данном вопросе.

Таким образом мы приходим к выводу, что развитие международных отношений через международные организации – необходимая мера для осуществления международной безопасности, но требующая совершенствования механизмов. Важным аспектом в данном вопросе является наличие независимости международных организаций. То есть любые военные конфликты должны справедливо оцениваться и по необходимости наказываться.

На наш взгляд, в данный момент ООН является международной организацией, которая находится в полной мере не может противостоять противоправным действиям с чьей-либо стороны в целях сохранения дипломатических отношений. Механизм международной безопасности должен совершенствоваться.

Список использованной литературы:

1. Упоров А.Г. Проблемы войны и мира, предотвращения новой мировой войны / А.Г. Упоров, В.В. Горовой // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 1(217). – С. 220-225.
2. Герасимов Е.Л., Герасимова Е.М. Роль международных организаций в современных глобальных процессах // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск, – 2020. – С. 146-153.
3. Гильмутдинова Д.А. Новые тенденции и технологии в миротворческой деятельности Организации Объединенных Наций в XXI веке / Д.А. Гильмутдинова, Л.И. Ромадан // Международная жизнь. – 2016. – № 2. – С. 113-124.
4. Концепция предотвращения и урегулирования конфликтов на территории государств – участников Содружества Независимых Государств от 19 января 1996 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901213> (дата обращения: 15.03.2023).
5. Положение о Коллективных силах по поддержанию мира в Содружестве Независимых Государств [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/1901124> (дата обращения: 15.03.2023).
6. Гуськова Е.Ю. Агрессия НАТО против Югославии: 10 лет спустя // Военно-исторический журнал. – 2009. – № 4. – С. 25-27.
7. Кравков А.Г. Война во Вьетнаме // Новый исторический вестник. – 2008. – № 1. – С. 41-43.

УДК 341.46

**«МАЛЕНЬКАЯ КОРРУПЦИЯ» В ТЮРЬМАХ ФРАНКОГОВОРЯЩИХ
АФРИКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ И БОРЬБА С НЕЙ.
РЕАЛИЗАЦИЯ ДАННОГО ОПЫТА В РОССИИ**

Потёмкин Артём Борисович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: x003xx03@yandex.ru

Посельский Михаил Михайлович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, Россия, E-mail: mposelskij@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Африканские государства к югу от пустыни Сахара являются бывшими французскими колониями, а их государственная и пенитенциарная система построена на французских началах. В тюрьмах таких государств, как Габон и Камерун, из-за преступных действий сотрудников уголовно-исполнительной системы появился феномен «маленькая коррупция», который «пожирает» государственную систему тюрем, а также оказывает насильственное влияние на заключенных. В научной статье разобран опыт борьбы с таким явлением, а также приведены варианты реализации данных методов в борьбе с неформальными связями лиц младшего начальствующего состава с осужденными в уголовно-исполнительной системе России. Раскрываются исследования всемирно известного французского философа Мишеля Фуко.

Abstract. The African States south of the Sahara Desert are former French colonies, and their State and penal system is built on French principles. In the prisons of countries such as Gabon and Cameroon, due to the criminal actions of employees of the penal enforcement system, the phenomenon of "little corruption" has appeared, which "devours" the state prison system, and also exerts a violent influence on prisoners. The scientific article analyzes the experience of combating such a phenomenon, and also provides options for the implementation of these methods in the fight against informal ties of junior officers with convicts in the penal system of Russia. The research of the world-famous French philosopher Michel Foucault is revealed.

Ключевые слова: антикоррупционная стратегия, коррупция, конфликт интересов, зарубежный опыт, уголовно-исполнительная система, Камерун, Габон, маленькая коррупция, неформальные связи.

Key words: anti-corruption strategy, corruption, conflict of interests, foreign experience, penal system, Cameroon, Gabon, small corruption, informal ties.

Пенитенциарная система любого государства в настоящее время является автономным институтом социальных наук, в том числе и в государствах развивающихся стран, которые находятся на континенте Африка. С 1960 годов уголовно-исполнительная система изучается с точки зрения социального

контроля и регулирования. Наиболее активно исследованиями пенитенциарных систем Франции и французских государств занимались Э. Гоффман [5] и М. Фуко [4].

Уголовно-исполнительные системы африканских государств южнее Сахары развивались под колониальным влиянием Французской республики, что отложило исторический отпечаток на становление пенитенциарной системы и государства в целом. Особое внимание уделялось построению тюрем, а также организации управленческой системы данных учреждений.

Первые два десятилетия независимости государств были направлены на построение пенитенциарной системы. Активно уделялось внимание вопросам взаимоотношения персонала тюрем с осужденными, а тем более с политическими заключенными [1]. Стоящие сегодня вопросы взаимодействия персонала и заключенных являются также актуальной темой исследования. Исследуются вопросы социализации заключенных, обеспечения их прав, но также необходимо решать вопросы, непригодные для тюремного заключения, выращенные из-за криминальной субкультуры [11, с. 46].

М. Вашэрэ отмечает, что тюрьмы не могут действовать без персонала, особенно младшего звена подразделений охраны, последние пользуются данным фактом и совершают ряд правонарушений [10]. Ж. Бенжуижуи называет данные правонарушения «маленькой коррупцией» [3]. С.А. Кошанек под «маленькой коррупцией» понимает взимание сотрудниками тюрьмы платы за оказание определенных услуг от персонала [7]. Такие услуги могут быть в виде поддержания совершения мошеннических преступлений, а также предоставление привилегий в режиме отбывания наказания. Несмотря на название «маленькая коррупция», данный феномен касается большого круга деяний.

Явление «мелкой коррупции» рассмотрим на примере двух тюрем. Первая тюрьма под названием «Конденжуи» – тюрьма строгого режима в Яунде (Камерун). Вторая тюрьма «Гро Букет» в г. Либревиль (столица Габона). Как отмечал Дж.Б. Джейкобс, взаимоотношения в камерунских и габонских тюрьмах построены на неформальных связях охранников и заключенных, минуя субординацию и бюрократию. Отношения строятся на «банановых шкурках», «улыбки лидеру» и «приветствию капитану» [6]. С.А. Кошанек отмечает, что «мелкая коррупция» создает материальное и психологическое насилие по отношению к заключенным и их родственникам [7].

Для сохранения существующей коррупционной системы в тюрьмах взаимоотношения с персоналом построены на негласных правилах, являющихся основой тюремного управления. Негласные правила включают в себя мошенничество, незаконное обогащение и определенные хитрости. В научных трудах первопричиной создавшегося феномена выделяют деградацию и дисфункцию руководящего состава тюрем [9]. Начальники тюрем преследуют в первую очередь личные интересы обогащения над интересами пенитенциарной системы.

Сотрудники учреждений разрабатывают свои собственные правила поведения в тюрьмах, так называемые «кодексы поведения», делая себя «царями», тем самым осуществляя психологическое и материальное насилие над

заключенными [2]. Развитие негативных феноменов и явлений в тюремных учреждениях африканских государств, по мнению М. Фуко, связано с позиционированием тюремной системы как закрытого от общества и каких-либо исследований института. Именно исследования необходимы для предотвращения «маленькой коррупции» [4].

«Маленькая коррупция» в научных трудах воспринимается именно как материальное насилие над заключенными [9]. Тем самым, мы понимаем, что это в большей части принудительная коррупция, навязываемая персоналом тюрем, а не желание заключенных иметь определенные блага. Реальную картину «маленькой коррупции» показывают результаты интервьюирования. Приведем некоторые из них:

а) уличная продавщица арахисом из Яунде говорит, что ее муж просидел в тюрьме шесть месяцев. Для того, чтобы его навещать ей приходилось приносить горшок еды не только для него, но и для персонала (помимо еды, приходилось также таскать пиво для них). К концу заключения у нее уже не хватало денег для удовлетворения их требований;

б) кутюрье из Камеруна поведал, что для того, чтобы посещать свою жену в тюрьме, ему необходимо было каждый раз платить 7,63 евро персоналу тюрьмы;

в) продавщица сока из Либревиля (столица Габона) рассказала, что для того, чтобы передать пачку сигарет своему мужу, ей необходимо было передать пиво охраннику. Далее сотрудник поднимал цены до 22 евро. Из-за этого ее бизнес по продаже сока обанкротился;

г) задержанный из тюрьмы Камеруна говорит, что это было похоже на исполнение контракта. Каждый раз, когда его посещали родители, после он должен был платить охраннику;

д) задержанный из Габона поделился тем, что его родители передали 147 евро сотруднику (100000 национальной валюты), а последний так их и не передал задержанному. Как он говорит, жаловаться нет смысла, никто не слушает [9].

Коррупция достаточно сильно замаскирована чтобы ее обнаружить. Как отмечает Ж.Ф. Медард, сотрудники используют лазейки в законах [8]. Посетители тюрем и заключенные боятся противодействовать сотрудникам, поскольку это может ухудшить их положение в тюрьме. Страх усиливается также за счет незнания законов спецконтингентом.

Таким образом, коррупция в тюрьмах африканских франкоговорящих государствах имеет высокий уровень развития, замаскированный законодательными лазейками. Коррупция имеет не добровольный, а принудительный к спецконтингенту и их посетителям характер. В силу незнания законов и своих прав, заключенные реализуют свои права только за предоставление материальных благ персоналу.

Мы считаем, что такие явления имеют место в уголовно-исполнительной системе России. Они проявляются в форме незаконного проноса на территорию учреждений лицами младшего начальствующего состава запрещенных веществ и предметов (например, мобильные телефоны или наркотические средства). Кроме того, и в Российской Федерации осужденные могут не полностью знать

свои права и законные интересы, что дает сотрудникам право злоупотреблять своими полномочиями и предоставлять какие-либо блага за счет материального вознаграждения (например, оформление пенсии и иных социальных прав).

Несмотря на кажущуюся незначительность таких действий, они в совокупности имеют серьезную угрозу для безопасности личности, общества, уголовно-исполнительной системы и государства. В рамках нашего государства для предупреждения таких явлений необходим режим постоянного поддержания прав и законных интересов осужденных со стороны сотрудников исправительного учреждения (например, в рамках правового просвещения и воспитания).

Список использованной литературы:

1. Allinne JP. (2011). Jalons Historiques pour une histoire des prisons en Afrique. Clio Theremis, numéro 4.
2. Benguigui G & al. (1994). Les surveillants de prison et la règle. Revue Déviance et Société, volume 18, numéro 3.
3. Benguigui G. (1997). Contrainte, négociation et don en prison. Revue Sociologie du travail, volume 39, numéro 1.
4. Foucault M. (1975). Surveiller et punir, la naissance des prisons, Paris, Gallimard.
5. Goffman E. (1961). Asile. Essai sur la condition des malades mentaux, Paris, Editions de Minuits.
6. Jacobs JB. (1980). The prisoners' Rights Movement and Its Impacts, 1960-80. Chicago, University of Chicago Press.
7. Kochanek SA. (1993). Patron-Client Politics and Business in Bangladesh, Dhaka.
8. Médard JF. (2006). Les paradoxes de la corruption institutionnalisée. Revue Internationale de politique comparée, volume 13.
9. Missang F.M.B.A. La petite corruption dans les prisons centrales de Kondengui et de Gros Bouquet: violence matérielle et psychologique // Revue Internationale du Chercheur. – 2021. – Т. 2. – №. 4.
10. Vacheret M. (2002). Relations sociales en milieu carcéral. Une étude des pénitenciers canadiens. Revue Déviance et Société, vol. 26.
11. Упоров А.Г. Сотрудничество Минюста России и ФСИН России с институтами гражданского общества / А.Г. Упоров, О.В. Драгун // Правопорядок: история, теория, практика. – 2022. – № 3(34). – С. 44-49. – EDN EJXZEI.

УДК 343.2

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ ИНТЕРНЕТА
ДЛЯ СБЫТА НАРКОТИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДНР**

Сидоренко Юрий Алексеевич, Донбасская юридическая академия, г. Донецк,
E-mail: yuriy.sidorenko.1980@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрено криминогенное состояние населения Донецкой Народной Республики Российской Федерации (далее ДНР РФ). В связи с введением «военного положения» на территории республики ослабла степень криминалистической безопасности в сфере незаконного оборота наркотических средств для граждан, исходящая от государства. Особое внимание в процессе нашего исследования обращено на оперативно-розыскное и следственное (криминалистическое) обеспечение правоохранительной деятельности в указанной сфере.

Abstract. This article examines the criminogenic state of the population of the Donetsk People's Republic of the Russian Federation (hereinafter referred to as the DPR of the Russian Federation). Due to the introduction of "martial law" on the territory of the republic, the degree of criminalistic security in the sphere of illicit drug trafficking for citizens, emanating from the state, has weakened. Special attention in the course of our research is paid to the operational-search and investigative (forensic) support of law enforcement activities in this area.

Ключевые слова: наркотические средства, незаконный оборот, сети Интернет.

Key words: narcotic drugs, illicit trafficking, the Internet.

В процессе подготовки настоящего исследования, были изучены материалы, изложенные в научных трудах таких исследователей, как О.С. Гузеева, С.Д. Долгинов, Е.П. Ищенко, В.И. Омигов, Л.М. Прозументов, Л.И. Романова и др. В процессе изучения материалов, которые были подготовлены к защите магистерской диссертации Гончаровой Н.С., от Национального Исследовательского Томского Государственного Университета (НИ ТГУ), было обращено внимание на некоторые трудности оперативных работников должным образом осуществлять документирование бесконтактного способа продажи НС, выполняемого ОПГ.

Кроме того, различные проблемы предупреждения наркопреступности уголовно-правовыми и криминологическими средствами освещались в трудах таких авторов как Р.А. Базаров, В.В. Бобырев, А.А. Габигани, Э.Г. Гасанов, Л.В. Готчина, В.В. Жалыбин, Г.В. Зазулин, К.Г. Курманов, Б.Ф. Калачев, В.Н. Курченко, М.А. Любавина, Е.В. Панова, М.Л. Прохорова, А.Н. Сергеев, В.П. Смирнов, Т.А. Смолина, В.Е. Тонков, А. И. Чаркин, А.В. Шеслер и др.

В связи с криминогенной, военной обстановкой, в настоящее время на территории ДНР РФ ослабла степень криминалистической безопасности для граждан, исходящая от государства. Естественно, в связи с этим, на первый план вышли опасности, порожденные глубокой трансформацией политических и

криминалистических отношений, и на их основании, естественно, социально-экономических отношений. В процессе осуществления нами намеченного исследования планируется обратить внимание на причины, приведшие к увеличению количества документирования нераскрытых фактов незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ и прекурсоров (далее – НОН), появлению новых видов наркотических средств (далее НС). Содержание научного материала обусловлено тем, что с учетом новой государственности изменились подходы к безопасности населения на территории республики. Особое внимание обращено на осуществление следственной и оперативно-розыскной деятельности при раскрытии и расследовании преступлений в сфере НОН с использованием компьютерной сети Интернет. Нами планируется осуществление комплексного уголовно-правового и криминологического исследования, включая сравнительно-правовой аспект. В представленных материалах нами будут рассмотрены актуальные проблемы уголовного права, отдельные дискуссионные вопросы общей части Уголовно-процессуального Кодекса (далее УПК) ДНР РФ

В соответствии с этим, на работу следственных органов полиции, которая тесно связана как с открытостью, возможностью свободного использования, общедоступностью информации, так и с недостаточным правовым регулированием её деятельности, руководством республики возлагаются большие надежды. В итоге было доведено, что комплексного уголовно-правового и криминологического исследования, включая сравнительно-правовой аспект, не существует. В представленных материалах рассмотрены актуальные проблемы уголовного права, отдельные дискуссионные вопросы общей части Уголовно-процессуального Кодекса (далее УПК) ДНР РФ. Основываясь на них, мы попытаемся разобраться, какие причины послужили увеличению фактов документирования преступлений в сфере НОН, осуществляемых с использованием возможностей компьютерной сети Интернет и вникнуть в вопросы противодействия данному виду преступности, которые подлежат более углубленному изучению.

В настоящем исследовании проведен комплексный анализ отечественных и зарубежных норм права, направленных на противодействие наркопреступлениям с использованием сети Интернет, ресурсов сети Интернет пронаркологического характера, судебной практики. Проведен подробный анализ современного состояния наркоситуации в России, рассмотрены материалы, а также намечены перспективы совершенствования механизма противодействия распространению НС посредством использования информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

При работе над неочевидными преступлениями в сфере НОН, работа следственных органов полиции тесно связана как с общедоступностью, открытостью глобальной сети, так и с недостаточным правовым регулированием ее деятельности [12]. Современным направлением развития преступности является расширение распространения наркопреступлений, совершаемых с использованием современных возможностей коммуникационной системы Интернет [19].

Для установления лиц, скрывшихся с места преступления, в оперативно-розыскной деятельности прибегают к различным уловкам и ухищрениям, что позволяет как можно быстрее установить преступников. Для этой цели оперативные работники применяют негласные средства сбора информации, опираясь на специальные учеты лиц, употребляющих НС, совершивших преступления в сфере НОН, привлеченных к административной ответственности за противозаконные действия с НС в малозначительном размере и оперативную технику.

Собранный материал по факту осуществления преступных действий с наркотическими средствами подлежит возбуждению уголовного дела. Поступившие в следственный отдел материалы, собранные по факту изъятия наркотических средств, которые были использованы в сфере НОН, с использованием возможностей компьютерной сети Интернет следователь принимает в своё производство. В дальнейшем, в процессе осуществления служебной деятельности, он оказывается тесно связанным с уполномоченными сотрудниками подразделений по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств (далее СБНОН), уголовного розыска (далее СУР). Описанная взаимосвязь, является основой служебной оперативно-розыскной деятельности, направленной на обнаружение и документирование лиц, совершающих преступления в условиях неочевидности. Такое сотрудничество позволяет в процессе расследования более полно использовать имеющиеся у них возможности получения информации.

Для установления лиц, скрывшихся с места преступления, в оперативно-розыскной деятельности прибегают к различным оперативным уловкам и ухищрениям, используют оперативную технику, что позволяет как можно быстрее установить и задержать преступников. Для этой цели оперативные работники применяют негласные средства сбора информации, опираясь на специальные учеты лиц, употребляющих наркотические средства (далее НС), ранее совершивших преступления в сфере НОН, привлекаемых к административной ответственности за противозаконные действия с НС в малозначительном размере.

Далее, в настоящей статье, мы рассмотрим проблемы взаимодействия практической деятельности следственных и оперативно-розыскных подразделений при работе над преступлением, совершенным в условиях неочевидности. В данных ситуациях оперативные сотрудники, используя помощь агентурной сети, получают информацию об объектах – возможных носителях доказательственной информации, ориентировочные данные об обстоятельствах, а также, самое главное, – сведения о подозреваемых в совершении конкретного преступления. Следовательно, в основном, через оперативные службы может получить сведения и данные, которые определяют тактические приемы сбора доказательств.

Идея интеграции уголовно-процессуальных и оперативно-розыскных правовых норм не нова [10]. Для обозначения этого процесса в литературе используются и другие термины – «гармонизация», «сближение», которые не меняют суть подхода, заключающегося в разработке согласованных правовых норм, позволяющих наиболее эффективно использовать в практике борьбы с

преступностью инструментарий оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД).

В книге второй Свода законов уголовных 1832 г. «О судопроизводстве по преступлениям» особенно отчетливо единство следственной деятельности и розыска нашло свое отражение. В ст.767 этой книги было закреплено положение, согласно которому «осуществление следственного производства, а также все меры, к оному относящиеся, принадлежат полиции» [2]. Данная норма была воспроизведена в ст.883 книги второй Свода законов уголовных 1842 г.[3].

Изучение российского уголовно-процессуального законодательства, которое устанавливает порядок производства по уголовным делам, позволяет сделать вывод о том, что до 1860 г. между следственной деятельностью и деятельностью (обыски, сыск, розыск, уголовно-сыскная деятельность), которая в современном законодательстве называется оперативно-розыскной, не существовало четких границ, поскольку и тот и другой вид деятельности осуществлялся одними и теми же должностными лицами [4] и в ст. 3 Свода законов уголовных 1857 г. [14]. Приведенные нормы наделяли полицию не только полномочиями по производству следствия, но и полномочиями по производству розыска. Однако регламентация розыскной деятельности полиции, по мнению многих сотрудников оперативных подразделений полномочиями по производству розыска лиц их совершивших, обнаружению вещественных доказательств и похищенного имущества. Однако регламентация розыскной деятельности полиции была на начальной стадии. Как пишет Т.Л. Матиенко, «... регулирование уголовно-розыскной деятельности полиции в книге второй «О судопроизводстве по преступлениям» Свода законов уголовных 1832 г. можно усмотреть в содержании глав II «Об исследовании происшествия и об осмотре», III «О выемках и обысках в домах», IV «О взятии и представлении обвиняемого к следствию» и V «О пресечении обвиняемым способов уклониться от следствия и суда» [13].

Анализ содержания названных Т.Н. Матиенко глав не дает основания для вывода о том, что следственная и уголовно-сыскная деятельность в Своде законов уголовных была разграничена хотя бы по той причине, что главы II-V, о которых пишет автор, были структурными частями раздела второго «Предварительное следствие». К регламентации уголовно-сыскной деятельности с известной долей условности можно отнести ст. 824 Свода законов уголовных 1832 г., согласно которой «первоначальное исследование о происшествиях и преступлениях в уезде производится, за отсутствием чиновников земской полиции, ближайшими сельскими начальниками; они немедленно расспрашивают пойманных в преступлении, а равно беглых и подозрительных людей и отсылают их с допросом, подписанным своеручно, или, кем-либо другим по его показанию, в случае неумения грамоте. В протоколе допроса должно быть обстоятельно описаны все детали происшествия, все вещи и предметы, которые при пойманном будет найдено, в Земский суд» (ст. 951 Свода законов уголовных 1842 г., ст. 75 Свода законов уголовных 1857г.).

К розыску стали прибегать в процессе раскрытия важных преступлений, когда установление и задержание виновных считалось необходимым для соблюдения общественной безопасности. Бывший прокурор окружного суда

писал о том, что на практике смутное понятие придавалось розыску, состоявшему по Сводам законов уголовных из действий не только дознания (дознанием некоторые авторы называли действия, включенные в раздел II «Предварительное следствие»), но и следствия и направленному к установлению и привлечению к ответственности виновных [14]. В этих случаях формальности, установленные законом для ограды правильности следствия, оказывались на деле слишком тяжелыми, препятствующими обнаружению виновных. Раскрытие преступлений, «формальное» установления лиц их совершивших состояло в таком производстве, при котором закон и формальности уступали в жертву потребности выявить виновных «во чтобы то ни стало». Если же требования закона не устранялись вполне, то с ними вступали в сделку, более или менее выгодную для удовлетворения означенной потребности. Розыск производился тайно и напоминал собой патриархальный сыск лихих людей. К нему не всегда прилагались правила о предварительном следствии. При розыске производители его нередко брали для допроса всякого, входили в жилище по малейшему сомнению, иногда арестовывали лиц по всякому подозрению и держали под стражей во время розыска, не отдавая никому отчета в следственных действиях, и не подлежали ответственности за распоряжения свои.

Попытка разграничить на законодательном уровне следственную деятельность и розыск впервые была принята в Высочайше утвержденном Учреждении судебных следователей от 8 июня 1860 г. [18]. Первым пунктом вышеуказанного документа было провозглашено отделение следственной власти от полиции (п.1), а на обязанности полиции было возложено «только расследование, исследование по преступлениям и проступкам маловажным, которые предоставлялись разбору и суждению самих их же полицейских властей, а также и первоначальное дознание о происшествиях, кои могут, по связи с преступлением более важным, подлежат рассмотрению мест судебных» (п. 2). Этим же пунктом Учреждения судебных следователей документ был конкретизирован во взаимосвязанных нормах Наказа полиции о производстве дознания по происшествиям, могущим заключать в себе преступления или проступки следующего содержания:

– «Дознание представляет собой деятельность административного или оперативно-розыскного блока полиции по сбору сведений, необходимых для получения доказательств того, что происшествие действительно было и что оно соединено с преступлением или проступком» (п. 3);

– «Для получения материалов и сведений необходимых для установления фактов и открытия следов преступления или проступка полиции предоставляется право расспрашивать всякого, кто, по их мнению, может сообщить полезные для следствия сведения, хотя он может и не иметь всех качеств достоверного свидетеля» (п. 5);

– «Опросы производятся полицией без особых формальностей и записываться подробно могут только тогда, когда в ответах расспрашиваемого заключаются сведения, необходимые для разъяснения свойства исследуемого происшествия, а равным образом в случаях, когда расспрашиваемые лица, явились с повинной или были застигнуты при совершении противоправного действия» (п. 7).

В приведенных нормах ещё нет термина «розыск», он появится в Уставе уголовного судопроизводства, однако деятельность полиции, которая осуществлялась в соответствии с закрепленными в них предписаниями, носила розыскной характер.

Официальное разделение следственной деятельности и розыска было закреплено в Уставе уголовного судопроизводства от 1864 г. (далее Устав) [5]. Так, в ст. 254 Устава было сформулировано правило, согласно которому «при производстве дознания полиция все нужные ей сведения собирает посредством розысков, словесными расспросами и негласным наблюдением, не производя ни обысков, ни выемок в домах».

Из содержания ст. 254 Устава неясно, в каком отношении находились дознание и розыск, что послужило поводом для расхождения во взглядах по данному вопросу. Изучение литературы, изданной в период Устава, в которой рассматривался вопрос о соотношении дознания и розыска, приводит к выводу, что большинство авторов не разграничивают эти виды деятельности полиции в уголовном судопроизводстве [11]. В цели настоящей статьи не входит исследование проблем разграничения дознания и розыска по Уставу, поэтому ограничимся замечанием того, что на практике не произошло реального разграничения предварительного следствия, дознания и розыска. Об этом свидетельствуют переданные некоторыми учеными тех лет [15], сведения в отношении результатов работы двух комиссий: учрежденной в 1869 г. для исследования недостатков следственной части и в 1894 г. – по пересмотру законоположений по судебной части.

Позднее, точки соприкосновения следственной и оперативно-розыскной деятельности были обозначены в УПК РСФСР 1960 г. Так, в ч.1 ст. 118 УПК РСФСР была закреплена норма, согласно которой «на органы дознания возлагается принятие необходимых оперативно-розыскных и иных, предусмотренных УПК мер, в целях документирования выявленных преступных действий и лиц, их совершивших». Согласно законодательства, в обязанности органов дознания возложено выполнение всех действий намеченных следственным органом.

Согласно законодательства, порядок проведения ОРМ до 1992 года был установлен грифом «для служебного пользования», «секретно» и «совершенно секретно», а составленные материалы приобщались к материалам ОРД, а содержащиеся в них сведения, могли быть использованы только в качестве ориентирующей информации [8]. В российской юридической науке включение частей уголовно-процессуального законодательства зарубежных стран, негласных следственных действий, т.е. закрепленных в УПК зарубежных стран не прошло стороной, послужило основанием для дополнения действиями УПК РФ. Институт негласных (розыскных) следственных действий УПК Украины вызвал особый интерес у представителей науки уголовного процесса РФ. По нашему мнению, соответствующему мнению ряда авторов, в ст. 21 УПК Украины негласные разведывательные действия реализованы «наиболее последовательно и глубоко» [16].

Рассмотрим мнение Ю.В. Астафьева, который считает, что «включение оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ – это движение в направлении

разрушения уголовного процесса как системы. Если для западных правовых семей, движение по пути, целью которого является отсутствие проблемы уголовного процесса, не возникает именно в силу структуры уголовного процесса, то включение в процессуальную, строго регламентированную форму расследования «специальных» следственных действий, проводимых лицами, которые получают его полномочия на время, явление опасное во всех отношениях, т.к. проводится оно не самим субъектом доказывания. Это касается и прав личности в уголовном процессе, и соблюдении процессуальных гарантий, и реализации принципов уголовного процесса, и в конечном счете эффективности судопроизводства» [7]. По нашему мнению, и мнению большего количества юристов ДНР РФ, целесообразность закрепления в УПК РФ «специальных» следственных действий, которые по мнению Ю.В. Астафьева, повлекут за собой разрушение уголовного процесса как системы, вызывает серьезные сомнения, которые возникают в процессе изучения закрепленных ранее в УПК Украины негласных следственных (розыскных) действий.

Как пишет М.Л. Грибов, «с теоретической точки зрения осуществление скрытного, негласного наблюдения специально предназначенными для этого подразделениями является наиболее эффективным, хотя и, довольно таки, не экономичным» [16]. Во-первых, касаясь вопроса нашего исследования, сомнения в том, что следователи имеют возможность проводить мероприятия оперативно-розыскного характера, подкрепляются статьями УПК РФ, точнее отсутствием статей, которые регламентируют механизм их реализации.

Касаясь вопроса нашего исследования, сомнение в том, что работники следственных органов имеют возможность проводить оперативно-розыскные мероприятия под грифом «секретно», «совершенно секретно» подкрепляются перечисленными в статьях УПК РФ процедурными предписаниями. Оперативные подразделения органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, вправе проводить совместно с работниками уголовно-исполнительной системы оперативно-розыскные мероприятия в следственных изоляторах уголовно-исполнительной системы. Содержание ст. 164.1 УПК РФ регламентирует условия и порядок снятия информации с транспортных телекоммуникационных мобильных и Интернет сетей. Описанной статьёй закреплено положение об: «Особенностях изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий».

Таким образом, в работе были рассмотрены особенности бесконтактного способа сбыта наркотиков, наиболее широко применяемого в настоящее время при совершении данной группы преступлений. В процессе подведения итогов нашего исследования, было обращено внимание высказывания одного ученого. С его слов «... требовать от одного и того же лица (сотрудника следственного или оперативно-розыскного отделения), чтобы оно с одинаковым успехом занималось как розыском, так и следствием одновременно, значит требовать, чтобы это лицо совмещало в себе прямо противоположные качества. Наконец, нельзя заставить одно и то же лицо служить двум богам – результаты такой службы общеизвестны» [20].

Список использованной литературы:

1. Конституция ДНР РФ. Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 года № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2022/10/05/fkz5-site-dok.html> (дата обращения: 31.01.2023).
2. Свод законов уголовных. СПб., 1832 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/svod-zakonov-o-sudoproizvodstve-po-prestupleniyam-1832-g-kak-akt-sistematizatsii-ugolovno-protsessualnogo-zakonodatelstva-rossiyskoj> (дата обращения: 31.01.2023).
3. Свод законов уголовных 1842 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 31.01.2023).
4. Свод законов уголовных 1857 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://runivers.ru/lib/book7372/> (дата обращения: 31.01.2023).
5. Устав уголовного судопроизводства // Свод законов «Российской империи». 1892. Т.16, ч.1 С. 223-516 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003087115> (дата обращения: 31.01.2023).
6. Научный журнал «Актуальные исследования» №6 (33) – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://apni.ru/magazine/33> (дата обращения: 31.01.2023).
7. Астафьев Ю.В. «Специальные» следственные действия: к проблеме включения оперативно-розыскных мероприятий в УПК РФ // Вестник Воронеж. Гос. Ун-та. Серия: Право. – 2013. – № 1. – С. 30-33.
8. Бедняков Д.И. Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М., 1981. – С. 68-126 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01001590902> (дата обращения: 31.01.2023).
9. Грибов М.Л. Визуальное наблюдение как оперативно-розыскное мероприятие и негласное следственно-розыскное действие // APRIORI. Серия: Гуманитарные науки. – 2014. – №2. – С. 4-9 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21490689> (дата обращения: 31.01.2023).
10. Давыдов С.И. О предпосылках интеграции оперативно-розыскного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://vuzdoc.org/166984/pravo/predposylkah_integratsii_operativnorozysknogo_ugolovno_protsessualnogo_zakonodatelstva_rossiyskoj_fe (дата обращения: 31.01.2023).
11. Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах. Ч.2., вып.1. Изд. Пятое (посмертное), доп. В.П. Ширковым. СПб. 1901 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003580232> (дата обращения: 31.01.2023).
12. Лушин Е.А. Проблемы расследования сбыта наркотических средств с использованием сети интернет / Е.А. Лушин // Актуальные исследования. – 2021. – №6 (33). – С. 9-11.

13. Матиенко Т.Л. Российский сыск в IX – первой половине XIX века. Генезис и становление. М., 2010; Власов В.И., Гончаров И.Ф. Организация розыска преступников в России в XI – XX века (историко-правовое исследование: в 2ч. Домодедово, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01004723367> (дата обращения: 31.01.2023).

14. Матиенко Т.Л. О судопроизводстве по преступлениям [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://studfile.net/preview/7118185/page:63/> (дата обращения: 31.01.2023).

15. Об уголовном преследовании, дознании и предварительном исследовании преступлений по судебным уставам 1864 года: Теорет. и практ. руководство, сост. А. Квачевским. Ч. 1. – Санкт-Петербург: тип. Ф.С. Сущинского, 1866-1870 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003505366> (дата обращения: 31.01.2023)

16. Соколов А.А. Указ. соч. С. 146-177; Даневский В.П. Наше предварительное следствие: его недостатки и реформа. – М., 1895., – С. 73-79 и др. [Электронный ресурс] – Режим доступа <https://search.rsl.ru/ru/record/01003553471> (дата обращения: 29.11.2022).

17. Соколов А.А. К вопросу о следственных действиях / А.А. Соколов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. – № 2. – С. 59-64.

18. Упоров И.В. Учреждение судебных следователей как начало модернизации судебной системы Российской империи во второй половине XIX века [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://cyberleninka.ru/article/n/uchrezhdenie-sudebnyh-sledovateley-kak-nachalo-modernizatsii-sudebnoy-sistemy-rossiyskoy-imperii-vo-vtoroy-polovine-hih-v> (дата обращения: 31.01.2023).

19. Филонов Д. Интернет стал основным каналом сбыта синтетических наркотиков [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://digit.ru/internet/20120207/389167017.html> (дата обращения: 31.01.2023).

20. Соколов А.А. Практическое руководство для служебных следователей. – Вильна, 1891. – Т. 1. – С. 164 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <https://search.rsl.ru/ru/record/01003937539> (дата обращения: 31.01.2023)

УДК 342.98

ОПЫТ СДЕРЖИВАНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ СРЕДИ СОТРУДНИКОВ ПЕНИТЕНЦИАРНЫХ СИСТЕМ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ РОССИИ

Губанов Александр Вячеславович, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: gurtme372@gmail.com

Юртаева Юлия Владимировна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: uliaurtaeva3@gmail.com

Рябцева Светлана Юрьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: Srabceva847@gmail.com

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. В данной статье обсуждается коррупция в пенитенциарных учреждениях зарубежных государств и предлагаются эффективные методы ее сдерживания, которые можно применить в уголовно-исполнительной системе России. В отличие от других исследований, которые пропагандируют увеличение санкции, эта статья представляет собой принципиальный подход. Он уравнивает континуум между укреплением рациональных и разумных правил контроля за поведением заключенных и профессиональной деятельностью сотрудников исправительных учреждений. Эта статья основана на твердом предположении: чем более гражданским является исправительное учреждение, тем более гражданским и менее жестоким будут его обитатели. Это ставит под сомнение традиционное убеждение, что большинство заключенных являются недочеловеками, которыми можно управлять только насилием, понимают только силу и ненавидят универсальные нормы справедливости, достоинства и человечности. Эта статья завершается изложением нескольких практических предложений по оказанию более эффективной и цивилизованной помощи администрации исправительных учреждений уголовно-исполнительной системе России в выполнении ими своих обязанностей.

Ключевые слова: уголовно-исполнительная система, пенитенциарная система, коррупция, сотрудник, осужденные к лишению свободы, администрация исправительных учреждений, исправительные учреждения, места лишения свободы, государственная служба, злоупотребление властью.

Abstract. This article discusses corruption in penitentiary institutions of foreign countries and suggests effective methods of its deterrence, which can be applied in the penal system of Russia. Unlike other studies that advocate an increase in sanctions, this article is a principled approach. It balances the continuum between strengthening rational and reasonable rules for monitoring the behavior of prisoners and the professional activities of correctional officers. This article is based on a firm assumption: the more civil a correctional institution is, the more civil and less violent

its inhabitants will be. This calls into question the traditional belief that most prisoners are subhumans who can only be controlled by violence, understand only force and hate universal norms of justice, dignity and humanity.

Key words: *penal enforcement system, penitentiary system, corruption, employee, sentenced to imprisonment, administration of correctional institutions, correctional institutions, places of deprivation of liberty, public service, abuse of power.*

Тюрьмы являются опасными институтами, и тюремная коррупция, хотя и невидима для общественности, может в долгосрочной перспективе нанести гораздо больший социальный ущерб. Тюрьмы, если так можно выразиться, «оскверняют» не только физические тела заключенных, но и их души, что делает их гораздо более опасными, когда они освобождаются.

Хотя условия прохождения службы в тюрьмах значительно отличаются от условий в организациях свободного мира, утилитарная нить, характеризующая обе среды, одинакова; они представляют собой преднамеренные акты предательства, совершаемые государственными служащими, которым доверяют, обучают, контролируют и дополняют для сохранения некоторых из наиболее фундаментальных аспектов гражданского общества.

Во всех странах, во всех исторических периодах, были «лучшие» и «худшие» тюрьмы. И если это различие логично, то человеческая способность модернизировать или деградировать тюрьмы не подвергается сомнению. Печально известные случаи нацистских концентрационных лагерей, жестокости советского ГУЛАГа и острова Робин в Южной Африке являются лишь крайними примерами этой точки зрения. Например, недавняя практика казни осужденных заключенных путем смертельной инъекции в американских тюрьмах означает эволюцию вежливости в американских тюрьмах.

Первичный метод повешивания 1920-х годов был постепенно заменен газовой камерой, электрическим стулом и, наконец, смертельной инъекцией [1]. Кроме того, традиция надзирателя Даффи из тюрьмы Сан-Квентин разделить выпивку с заключенными, прежде чем они столкнутся с виселицей, была первостепенным жестом человеческой вежливости.

Скандинавские тюрьмы неизменно считаются самыми гражданскими в мире, в то время как тюрьмы в Бангладеш и Мьянме были наименее гражданскими. Иными словами, немыслимо, чтобы гражданское общество (учреждение или пенитенциарное учреждение) ни при каких обстоятельствах действовало нецивилизованно.

Профессионализм и коррупция являются практическими ярлыками, присвоенными государственным должностным лицам в вопросах доверия и предательства, соответственно. Хотя предполагается, что практикующие специалисты в частном секторе также действуют таким же образом, коррупция со стороны государственных должностных лиц традиционно воспринимается более зловеще, чем коррупция работниками частного сектора.

Для такой точки зрения есть четыре причины. Во-первых, у граждан обычно нет выбора, кроме как пользоваться услугами общества (например, ездить по дороге общего пользования, летать из общественного аэропорта,

платить налоги, ходатайствовать о выдаче лицензии или какого-либо права и т.д.) в отличие от свободы выбора у свободных от государственной службы граждан.

Во-вторых, государственные должностные лица обычно дают клятву добросовестно выполнять все законы, делая свои невыполнения этого, особенно когда они неоправданы, вдвойне «греховными».

В-третьих, в силу государственного суверенитета, государственные учреждения могут нанести больший вред ничего не подозревающим гражданам, чем работники частного сектора. Представьте себе, например, физический и духовный вред, который может быть причинен невинному человеку, который был арестован без вероятной причины, уволен без публичных слушаний или лишен защиты гражданских прав.

В-четвертых, публичная коррупция, особенно когда она регулярно совершается, негативно отражается на способности правительства компетентно управлять. В результате граждане могут потерять веру в свою политическую систему, выборных должностных лиц и, конечно же, самих себя. Исходя из этих причин, общество, особенно в условиях демократии, ожидает, что его государственные служащие будут действовать цивилизованно (отсюда и концепция государственной службы) и добросовестно выполнять свои обязанности как «благородные обязанности».

Тем не менее, хотя общество обоснованно ожидает, что его государственные должностные лица всегда будут демонстрировать более высокий стандарт добросовестности, оно возлагает на частные организации ответственность только в областях договорных правил и обязательств.

Профессионализм – это замечательный идеал, а коррупция – позорная реальность. Оба представляют собой крайние цели производительности сотрудников - с одной стороны, есть идеализм и стремление к совершенству, с другой стороны, есть самоуспокоенность, частный интерес, обман. Профессионализм - это внешнее отражение работы, которое характеризуется честностью, верностью, справедливостью и порядочностью, тогда как коррупция характеризуется пороками нечестности, незаконности, жестокости и часто двуличия [2, с. 80].

Профессионализм вдохновляет работников преуспевать во всем, что они делают, а коррупция усиливает инстинктивные побуждения нарушать, хватать, фабриковать и скрывать. Обе практики (профессионализм и коррупция) берут свое начало с психическим и эмоциональным состоянием работников, потому что не может быть профессионализма без профессионалов, и не может быть исправления без коррупционеров [3, 4].

Коррупция, с другой стороны, является постоянной проблемой, присущей недисциплинированному человеческому разуму, что делает правила и стандарты гражданского поведения неактуальными. На практике публичная коррупция принимает различные формы, начиная от принятия небольшого подарка до разбазаривания крупных сумм денег или совершения серьезных незаконных действий [5].

Эта практика особенно коварна, потому что, если ее не остановить, она может вызвать серьезные затруднения, препятствующие пенитенциарной службе путь к достижению любого более высокого блага [6]. Корни коррупции, хотя и

сложные, могли быть встроены в универсальную теорию «моральной слабости», потому что считалось, что люди были созданы (или эволюционировали) «немного ниже ангелов».

В качестве примера, возможно привести следующую ситуацию. Заключенные в исправительном учреждении штата Джорджии в США давно жаловались на жестокость со стороны офицеров, однако не было предпринято никаких серьезных попыток разрешить их жалобы. Это побудило ряд тюремных чиновников, поддержать заявления заключенных в отношении комиссара (как начальник территориального органа в России) по исправительным учреждениям штата.

Они свидетельствовали, что комиссар потворствовал, наблюдал и праздновал массовое избиение заключенных. Заявление под присягой Рэя МакУортера, лейтенанта, отвечающего за отряд по борьбе с беспорядками в государственной тюрьме Хейс в Джорджии, показало, что комиссар совершил кровавое нападение на заключенных, когда он схватил заключенного за волосы и потащил его по полу. Лейтенант также показал, что комиссар наблюдал в другой камере, в то время как заключенных, некоторые из которых были в наручниках и лежали на полу, били кулаками, пинали и топтали, пока кровь не пролилась по стенам. Позже лейтенант добавил, что комиссар аплодировал охранникам на праздничном обеде [4, с. 430].

Для борьбы с коррупцией в исправительных учреждениях начальники исправительных учреждений должны рассмотреть двуединую политику: сформулировать свои позиции в отношении коррупции и коррупционеров и проводить твердую антикоррупционную политику. То есть, антикоррупционная политика должна исходить не из высшего уровня к низшему (на места), а наоборот, с наименьшего уровня.

Вопреки общему пониманию, большинство сотрудников исправительных учреждений могут не знать о позиции ФСИН России и государства по вопросам коррупции на рабочем месте - что они влекут за собой и какие последствия могут постигнуть тех, кто участвует в таких действиях. Новые сотрудники, в частности, недостаточно хорошо информированы о том, в чем заключается миссия системы и чего пытаются достичь руководители. Поэтому крайне важно, чтобы руководящая группа подготовила всеобъемлющее программное заявление, в котором излагалась бы роль надзорных органов, обращение с осужденными и конечные цели исправительного учреждения.

Посыл здесь ясен: профессиональное поведение имеет значение, коррупция не будет допускаться, и все сотрудники должны действовать ответственно и честно. Широко освещая эту политику, сотрудники официально уведомляются о том, что предпринимаются целенаправленные усилия по выявлению и суровому обращению с нарушителями политики и что никто не освобождается от соблюдения профессиональных стандартов.

В антикоррупционной пенитенциарной политике следует также указать последующие следственные процедуры и наказания, которые будут применяться в случае совершения нарушений. Учитывая сложный правовой и этический характер коррупции в исправительных учреждениях, этот сегмент может быть гораздо труднее сформулировать. Тем не менее, при надлежащей помощи со

стороны юридических служб учреждений должна быть возможна подготовка четкого документа.

При этом, любое расследование коррупционного преступления в отношении сотрудника должно строиться на общих началах уголовно-процессуального и конституционного законодательства, несмотря на специальный статус государственного служащего.

Таким образом, в данной научной статье была представлена дискуссия между профессионализмом и коррупцией. Первый является ярким идеалом, который мотивирует персонал исправительных учреждений стремиться вперед, а второй является позорной реальностью, которая втягивает уголовно-исполнительную систему России в дурную славу.

Хотя категории коррупции в исправительных учреждениях не слишком отличаются от категорий коррупции в других государственных учреждениях, традиционно негативное восприятие, связанное с исполнением наказаний, требует новой волны мысли, направленной на развитие исправительных учреждений в качестве гражданских учреждений, мало чем отличающихся от тех, которые существуют в иных местах.

Кроме того, до тех пор, пока исправительные учреждения остаются неотъемлемой частью мандата по «установлению справедливости и обеспечению внутреннего спокойствия», соответствующие руководители должны настойчиво создавать рабочую среду, которая соответствует моральным принципам, честности, верности и обязательствам. Для достижения этих целей руководители исправительных учреждений должны более четко формулировать цель службы в четко сформулированных заявлениях, включая изложение коррупционных действий и последствий, которые последуют за этим. Они также должны создать надежную антикоррупционную программу, основанную на повышении качества персонала, подчеркивая надзор, основанный на качестве, усиление фискального контроля и подчеркивая истинную этическую подготовку.

Список использованной литературы:

1. Marquart, J., Eklund-Olson, S., & Sorenson, J. (1994). The rope, the chair, and the needle: Patterns of capital punishment in Texas, 1923-1990. Austin: University of Texas Press.
2. Упоров А.Г. Применение профессионально-ориентированных образовательных технологий обучения в образовательных учреждениях высшего профессионального образования ФСИН России / А.Г. Упоров // Вестник Кузбасского института. – 2013. – № 3(16). – С. 79-82.
3. Simon, H. (1997). Administrative behavior. New York: Free Press.
4. Souryal, S. (2007). Ethics in criminal justice: In search of the truth. Cincinnati, OH: Anderson.
5. Ward, R., & McCormack, R. (1979). An anti-corruption manual for administrators in law enforcement. New York: John Jay Press.
6. Упоров А.Г. Характеристика разграничения хулиганства в уголовном и административном праве / А.Г. Упоров // Право: история и современность. – 2022. – Т. 6, № 1. – С. 52-60.

УДК 342.9

РАЗГРАНИЧЕНИЯ АДМИНИСТРАТИВНОЙ И ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Кинаш Ярослав Иванович, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка, E-mail: yamudriy@bk.ru

Волобуева Оксана Сергеевна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

Науменко Екатерина Владимировна, Донбасская аграрная академия, г. Макеевка

Аннотация. В статье рассматриваются виды юридической ответственности, в частности, административная и дисциплинарная ответственности, изучены критерии разграничения административной ответственности от дисциплинарной, выделены признаки административного правонарушения и дисциплинарного проступка, признаки состава административного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона) и дисциплинарной ответственности.

Abstract. The article discusses the types of legal responsibility, in particular administrative and disciplinary responsibility, the criteria for distinguishing administrative responsibility from disciplinary responsibility are studied, the signs of an administrative offense and disciplinary offense, the signs of an administrative offense (object, objective side, subject, subjective side) and disciplinary responsibility are highlighted.

Ключевые слова: юридическая ответственность, административные правонарушения, административная ответственность, дисциплинарная ответственность, разграничения административной ответственности от дисциплинарной, признаки административного правонарушения, признаки дисциплинарного проступка.

Key words: legal responsibility, administrative offenses, administrative responsibility, disciplinary responsibility, delimitation of administrative responsibility from disciplinary, signs of an administrative offense, signs of a disciplinary offense.

Характеризуя суть административной ответственности, особое значение уделим вопросу относительно выяснения особенностей, отличающих ее от других видов юридической ответственности [1]. Это позволит не только более глубоко и всесторонне рассмотреть содержание административной ответственности, ее связь с другими видами юридической ответственности, но и провести разграничение между ними, ответить практическим потребностям государственных органов, которые выявляют и пресекают правонарушения, а также применяют соответствующие меры юридической ответственности за их совершение.

Существуют различные виды юридической ответственности, среди которых выделяются традиционные, такие как уголовная, административная, гражданско-правовая, хозяйственно-правовая, материальная и дисциплинарная

ответственность, которые существуют только в пределах соответствующих отраслей права [2, с. 176].

В научной литературе ученые ставят вопрос о признании, установлении и реализации других видов юридической ответственности, таких, в частности, как эколого-правовая, конституционная, водно-правовая, земельно-правовая ответственность и т.д. [2, с. 156; 3, с. 262].

Одной из разновидностей юридической ответственности, которая близко соприкасается с административной, является дисциплинарная ответственность. Их внешнее сходство в свое время привело к тому, что некоторые авторы относили дисциплинарную ответственность к институтам административного права. Ц.А. Ямпольская, например, писала: «Большинство норм административного права содержит санкцию в виде административных и дисциплинарных взысканий» [4, с. 64]. Перечисляя затем дисциплинарные взыскания, она относила к ним замечание, выговор, строгий выговор, то есть те санкции, которые характерны для дисциплинарной ответственности.

Аналогичным образом дисциплинарная ответственность характеризовалась раньше и другими учеными-административистами, которые подчеркивали, что между административной и дисциплинарной ответственностью много общего, в связи с чем они являются институтами административного права [5, с. 112].

В дальнейшем подобная категорическая позиция была признана ошибочной, поскольку в процессе развития юридической мысли дисциплинарная ответственность стала рассматриваться как «комплексный» правовой институт, охватывающий собой нормы и отношения, характерные одновременно для нескольких отраслей права [6, с. 53]. Так, Е.А. Кленов и В. Малов в связи с этим утверждали: «... дисциплинарной ответственности как единственного вида юридической ответственности в действующем законодательстве по сути дела нет. Есть дисциплинарная ответственность рабочих и служащих по трудовому праву, дисциплинарная ответственность колхозников по колхозному праву, военнослужащих и лиц рядового и начальствующего состава органов охраны общественного порядка по административному праву» [7, с. 22].

При этом следует отметить то обстоятельство, что отношения в сфере трудовых, служебных обязанностей регулируются в основном властными методами, которые наиболее характерны для административного права. Кроме того, многие служебные отношения одновременно охраняются административно-правовыми и дисциплинарными (по трудовому праву) санкциями, которые могут быть применены за одно и то же правонарушение.

В то же время, эти разновидности юридической ответственности отличаются между собой. При этом в основу отграничения административной ответственности от дисциплинарной можно положить те же критерии, что и при ее отграничении от других видов ответственности.

Однако вопрос такого отграничения в науке продолжает оставаться спорными. Это вызвано тем, что разными авторами за основу отграничения берутся неодинаковые признаки.

Так, по мнению О.Е. Лейста, виды ответственности различаются по:

а) видам правонарушений и характеру применяемых санкций (уголовная, административная, дисциплинарная, имущественная, или «материальная»);

б) порядку применения санкции (судебная и административная);

в) субъекту правонарушения (персональная ответственность и ответственность коллективных субъектов – юридических лиц);

г) способу возникновения и осуществления (ответственность, возникающая непосредственно в силу закона, вследствие факта правонарушения – обязанность возместить имущественный ущерб и ответственность, возникающая на основе закона в процессе расследования дел о правонарушениях и применения санкции к виновным – уголовная, административная);

д) характеру возложенной на нарушителя обязанности (ответственность со специальной обязанностью – возместить ущерб, оплатить штраф, отбыть лишение свободы и ответственность, которая заключается в принудительном осуществлении государственными органами обязанности, не исполненного нарушителем, – принудительное изъятие вещи, предметов, вселение) [8, с. 92].

На наш взгляд, с помощью этих признаков трудно отграничить административную ответственность от других видов ответственности – слишком они противоречивы и неконкретны.

С.С. Алексеев в основу разделения ответственности по отдельным видам вкладывает отраслевой критерий, то есть то, к какой отрасли права она относится. В зависимости от этого выделяет уголовно-правовую, гражданско-правовую, административно-правовую, материальную и дисциплинарную ответственность. Он различает ответственность и порядок привлечения к ней – ответственность, наложенная судебными органами, и ответственность, что применена в административном порядке [9, с. 198-199].

Главным критерием разграничения административной ответственности от дисциплинарной являются их нормативные и фактические основы. Эта позиция также согласуется с мнением ученых-административистов. Так, Л.Коваль отмечает, что при подобном подходе «усматриваются две стороны: юридико-фактический (противоправное поведение, проступок) и нормативная (наличие нормы административного права, предусматривающей ответственность за такое поведение)» [10, с. 106]. Различия нормативных оснований обусловлены различиями в законодательстве, которым они регламентируются.

Считается, что целесообразно положить в основу оснований разграничения указанных видов юридической ответственности признаки административного правонарушения (общественная опасность, противоправность, виновность, наказуемость) и признаки состава административного правонарушения (объект, объективная сторона, субъект, субъективная сторона).

Согласно Закону ДНР «О Железнодорожном транспорте» дисциплинарное взыскание в виде увольнения применяется к работникам железнодорожного транспорта за нарушение дисциплины, последствия которых угрожают безопасности движения поездов, жизни и здоровью граждан [11].

Дисциплинарный проступок как основание дисциплинарной ответственности, трудовой дисциплины и правил внутреннего трудового распорядка лицами, находящимися на государственной службе на предприятиях, организациях и учреждениях или на работе в общественных и других организациях.

Для возникновения дисциплинарной ответственности необходимо наличие, во-первых, трудовых правоотношений, во-вторых, отношений служебного подчинения. Общественная опасность административных правонарушений предусматривает, в свою очередь, необходимость закрепления их нормами права. А потому юридическим выражением опасности правонарушения для общества является его противоправность, то есть необходимо, чтобы оно нарушало установленные государством соответствующие правила поведения [3, с. 131-140]. При этом противоправными признаются любые действия, не соответствующие требованиям действующего законодательства и противоречащие ему.

Рассматривая административные правонарушения с точки зрения противоправности, следует отметить, что они могут противоречить не только нормам административного законодательства, но и нормам других отраслей права. Указанное характерно и для дисциплинарной ответственности.

Административным и дисциплинарным правонарушением признается только виновное деяние, которое может быть совершено умышленно или по неосторожности.

Кроме обязательных признаков, включенных законодателем в определение административного правонарушения, его могут характеризовать и другие, сопровождающие его признаки и обстоятельства. К ним могут быть отнесены обстоятельства исключаящие, смягчающие или отягчающие административную ответственность за административное правонарушение. Так, обстоятельствами, исключаящими административную ответственность, является совершение проступка лицом, действующим в состоянии крайней необходимости, необходимой обороны или которое было в состоянии невменяемости. На степень вины могут влиять обстоятельства, смягчающие или отягчающие ответственность за совершенный проступок (статьи 34, 35 КУоАП) [1].

В то же время, в отличие от административного законодательства, в дисциплинарном указанные обстоятельства не определены, что, на наш взгляд, негативно отражается на эффективности и объективности определения вины правонарушителя, а также применении дисциплинарной ответственности.

Обязательным признаком административного и дисциплинарного проступков является также наказуемость.

Следует отметить, что фактические основания разграничения административной ответственности от дисциплинарной в первую очередь связаны с различными объектами этих противоправных посягательств. Так, военная дисциплина, внутренний трудовой распорядок в организациях, соблюдение норм уголовно-процессуального законодательства должностными лицами и т.д. обеспечивается дисциплинарными санкциями, и соответствующие отношения, как правило, не являются объектами административных проступков.

Объектом дисциплинарного проступка являются трудовые, служебные правоотношения, на которые посягает правонарушитель, поскольку совершение дисциплинарного проступка характеризуется неисполнением трудовых обязанностей работниками, находящимися в трудовых отношениях с администрацией конкретного предприятия, организации или учреждения.

Объективную сторону административных правонарушений составляет совокупность признаков, характеризующих внешнее проявление противоправного деяния, посягающее на охраняемый законом объект. В частности, центральное место в объективной стороне занимает непосредственно противоправное деяние (действие или бездействие), его вредный результат, причинная связь между деянием и результатом, место, время, способ, средства и орудия совершения правонарушения.

Противоправное деяние (действие или бездействие) также является признаком объективной стороны дисциплинарного проступка, который находит свое выражение в нарушении работником трудовой дисциплины (например, прогул без уважительных причин, появление на работе в нетрезвом состоянии и т.п.).

Совершенные правонарушения, за которые предусмотрена административная ответственность, нашли свое закрепление в действующем административном законодательстве, в то время, когда составы дисциплинарных проступков (в том числе объективная сторона), как правило, в дисциплинарном законодательстве не отражены (за исключением таких, как прогул, появление на работе в нетрезвом состоянии), несмотря на широкую практику их применения.

В связи с этим представляется целесообразным разработать и принять Дисциплинарный кодекс, который включал бы в себя общие принципы привлечения работников к дисциплинарной ответственности, порядок применения дисциплинарных взысканий, конкретные составы дисциплинарных проступков, правовой статус органов и должностных лиц, накладывающие дисциплинарные взыскания. Решение этого вопроса позволит более объективно и конкретно рассматривать дела (материалы) дисциплинарного производства, обеспечит гарантии соблюдения прав и свобод граждан, а также субъектов, которые накладывают дисциплинарные взыскания.

Субъектом ответственности за административное и дисциплинарное правонарушение по общему правилу является тот, кто его совершил, то есть физическое дееспособное и вменяемое лицо. В то же время, необходимо обратить внимание на некоторые особенности этого элемента состава указанных правонарушений.

Субъектом дисциплинарной ответственности является дееспособный работник, статус которого зависит от должности, которую он занимает, а потому единого возрастного критерия для признания лица субъектом дисциплинарного проступка не существует. При этом к ним можно отнести как рядовых работников, так и должностных лиц.

Кроме того, существуют также специальные субъекты, привлекаемые к дисциплинарной ответственности на основании законодательных актов,

Дисциплинарных Уставов или Положений о дисциплине (например, судьи, государственные служащие, адвокаты, работники связи, железнодорожного транспорта, прокуратуры) [12, с.65-72].

Характеризуя субъекты административных и дисциплинарных правонарушений, следует иметь в виду, что при дисциплинарной ответственности существует служебная подчиненность между лицом, которое привлекается к этому виду ответственности, и лицом, которое применяет меры дисциплинарной ответственности, то есть субъектом дисциплинарного проступка является член трудового коллектива, а субъектом контроля и принуждения – владелец или уполномоченный им орган. В то же время, при административной ответственности такая подчиненность отсутствует, поскольку отсутствуют устойчивые организационные связи между правонарушителем и субъектом контроля.

Характеризуя субъективную сторону административных и дисциплинарных правонарушений, необходимо отметить, что в обоих случаях этот элемент их состав представляет собой психическое отношение правонарушителя к совершенному проступку и его последствий. Составляющими субъективной стороны проступка является вина, мотив и цель.

Процессуальная деятельность развивается последовательно и имеет соответствующие стадии, которые четко регламентированы в действующем административном законодательстве, а именно: возбуждение дела об административном правонарушении; рассмотрение дела и вынесения по нему постановления; обжалование и опротестования постановления; исполнение вынесенного постановления [1; 13, с.65].

В то же время, дисциплинарное производство не формализовано, выбор санкции остается за руководителем, в отличие от производства по делам об административных нарушениях, в дисциплинарном производстве установление факта проступка осуществляется не на основе протоколов, а достаточно объяснения виновного лица. Менее выражены в дисциплинарном производстве стадии движения дела, другим является порядок наложения взысканий, который оформляется приказом.

Если административное взыскание может быть наложено в сжатые сроки – немедленно или не позднее двух месяцев со дня совершения проступка, то дисциплинарное законодательство различает сроки со дня совершения и со дня обнаружения проступка [14, с.75]. Дисциплинарное взыскания, как правило, не может быть наложено позднее шести месяцев со дня совершения проступка и одного месяца со дня его обнаружения. Процедура его наложения такая: от виновного сначала отбирается письменное объяснение по поводу совершенного им проступка, на основании которого затем издается приказ (распоряжение) о наложении дисциплинарного взыскания. Об этом сообщается работнику, на которого наложено взыскание, под расписку.

Список использованной литературы:

1. Кодекс об административных правонарушениях // Ведомости Верховной Рады (ВВР). – 1984. – Приложение к № 51. – С. 1122.
2. Попова Н. Ф. Административное право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / Н. Ф. Попова. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 341 с.
3. Попов Л.Л. Административное право России: учебник / отв. ред. Л.Л. Попов: 2-е изд., перераб. и доп. – "Проспект", 2010. – 752с.
4. Ямпольская Ц.А. Органы советского государственного управления в современный период / Ц.А. Ямпольская. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. – 228 с.
5. Основы государства и права Украины / Под ред. И.Н. Пахомова. – М.: ООО "Одиссей", 2001. – 320 с.
6. Батычко В.Т. Административное право: учебное пособие / В.Т. Батычко. – Таганрог: ИТА ЮФУ, 2016. – 140 с.
7. Кленов Е.А., Малов В. Материальная ответственность рабочих и служащих на предприятии / Е.А. Кленов, В. Малов. – М.: Юрид. лит., 1968. – 152 с.
8. Лейст О. Э. Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.
9. Алексеев С.С. Общая теория социалистического права: вып. 2 / Алексеев С.С. – Свердловск, 1964. – 226 с.
10. Коваль Л.В. Ответственность за административные правонарушения / Л.В. Коваль. – М.: Высшая школа, 1975. – 159 с.
11. Донецкая Народная Республика Закон «О железнодорожном транспорте» Принят Постановлением Народного Совета 13 ноября 2015 года (С изменениями, внесенными Законами от 25.05.2018 № 228-ІНС, от 12.03.2020 № 108-ІНС, от 17.07.2020 № 170-ІНС) [Электронный ресурс]. Режим доступа.– <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyatye/zakony/zakon-o-zheleznodorozhnom-transporte-donetskoj-narodnoj-respubliki/> (Дата обращения 12.12.2022).
12. Жуковский А.Г. Административная ответственность в сфере предпринимательский отношений. Вопросы теории и практики / А.Г. Жуковский – М.: Одиссей, 2000. – 224 с.
13. Вересов В.Н. Сборник схем и таблиц по административному праву: учебное пособие / В.Н. Вересов, В.Ю. Волков, В.Ю. Докучаева и др. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 100 с.
14. Конин Н.М. Административное право России в вопросах и ответах: учебное пособие / Н. М. Конин: 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2010. – 256 с.

УДК 342.6

НЕЗАВИСИМАЯ АНТИКОРРУПЦИОННАЯ ЭКСПЕРТИЗА

Котова Татьяна Олеговна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: koto2555@yandex.ru

Вылекжанина Валерия Викторовна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: valeriyvylekzhanina@gmail.com

Воднева Надежда Геннадьевна, Кузбасский институт Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк, E-mail: vodnevanad@yandex.ru

Научный руководитель: Упоров Александр Геннадьевич, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Кузбасского института Федеральной службы исполнения наказаний, г. Новокузнецк

Аннотация. Институт независимой антикоррупционной экспертизы относительно недавний, его зарождение в Российской Федерации началось в 2009 году. В силу этого он имеет ряд нерешенных проблем. Одна из них заключается в том, что только половина от всех проведенных экспертиз учитывается органами государственной власти. Существуют также пробелы и в правовом регулировании данного института и компетентности экспертов.

Abstract. The Institute of independent anti-corruption expertise is relatively recent, its origin in the Russian Federation began in 2009. Because of this, it has a number of unresolved problems. One of them is that only half of all the examinations carried out are taken into account by state authorities. There are also gaps in the legal regulation of this institution and the competence of experts.

Ключевые слова: антикоррупционная экспертиза, коррупция, Министерство Юстиции РФ, Правительство РФ, нормативно-правовые акты, антикоррупционная политика.

Key words: anti-corruption expertise, corruption, the Ministry of Justice of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation, regulatory legal acts, anti-corruption policy.

Антикоррупционная экспертиза нормативно-правовых актов и их проектов является один из наиболее значимых инструментов в сфере противодействия коррупции. Она направлена на выявление и устранение факторов, связанных с коррупцией, то есть уменьшение коррупциогенности нормативно-правовых актов [1, с. 8].

К принципам антикоррупционной экспертизы относятся:

– обоснованность, а именно четкая фиксация факторов коррупции и отражение их в заключениях экспертиз с указанием нормы антикоррупционного федерального закона [2, с. 80];

– объективность – четкая нормативная систематизация факторов коррупции и субъектов проведения антикоррупционной экспертизы, то есть придание экспертизе императивного характера и сведения субъективизма к минимуму;

– проверяемость – размещение всех результатов экспертиз в сети «Интернет». Сегодня официальные сайты органов исполнительной власти есть эффективное средство для освещения информации о результатах их деятельности;

– систематическое обследование – четкая взаимосвязь проверки одной нормы с другой нормой.

Антикоррупционная экспертиза институт относительно недавний, учрежденный Федеральным законом РФ от 17 июля 2009 г. № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Кроме того, правовое регулирование данного института закреплено Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 г.

Антикоррупционная экспертиза как инструмент противодействия коррупции позаимствован из Модельного закона СНГ «Об основах законодательства об антикоррупционной политике».

Указанное выше постановление Правительства РФ обновляет правила, предусмотренные вышеуказанным федеральным законом. Пункт первый этих правил закрепляет первостепенную роль в проведении антикоррупционных экспертиз Министерству юстиции России.

Как указывают в научных источниках, только 50% экспертиз учитываются [3, с. 103], что говорит о необходимости исследования данного механизма и его улучшения. Общеправовой проблемой выделяется несогласованность действия Правительства субъектов РФ и аккредитованных лиц по проведению экспертиз.

Привлечение независимых экспертов дает важность гласности и прозрачности всей антикоррупционной деятельности. Приказ Минюста России от 27 июля 2012 г. закрепляет порядок аккредитации в Министерстве юстиции РФ физических и юридических лиц, желающих проводить исследуемые экспертизы. Также официальный интернет-сайт Минюста России ведет официальный реестр аккредитованных независимых экспертов.

Огромный пробел данного правового акта в том, что он закрепляет аккредитацию для экспертов в области федерального законодательства, а не нормативно-правовых актов субъектов РФ и муниципальных образований. Из этого следует, что необходимо дополнить данный приказ вышеуказанными положениями.

Только половинная эффективность антикоррупционной экспертизы вызвана отсутствием должного правового регулирования, методического обеспечения, а также компетентности экспертов.

Важным шагом в увеличении доли эффективности экспертиз стало законодательное закрепление в законодательстве РФ обязанности размещения проектов нормативно-правовых актов в сети «Интернет» с указанием сроков, в которые можно представить результаты антикоррупционной экспертизы независимых организаций. Данное обязательство разработано Минюстом России совместно с Министерством экономического развития (Минэкономразвития). Минюст отправляет в Минэкономразвития каждый месяц данные об обновлении независимых экспертов.

Однако, мы считаем, что есть проблемы и организационного характера. Так, необходима координация деятельности научно-исследовательских учреждений по исследуемым экспертизам, а также организация головного учреждения по антикоррупционным экспертизам. Таким главным звеном нами видится Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ.

Кроме того, выделяется проблема ограниченности сроков на осуществление экспертизы, а также отсутствия мер поощрения для экспертов.

Помимо экспертизы нормативно-правовых актов федерального значения, необходимо проведения данных процедур в отношении законодательства субъектов РФ и муниципальных образований.

Важную проблему выделяет непосредственно аккредитованный эксперт антикоррупционных экспертиз А. Н. Коробкин. Эксперт отмечает нежелание правительственных должностных лиц менять сложившуюся коррупционную систему и тем самым изменять законодательство. Устанавливает важность «оживления» ст. 19.28 Кодекса РФ об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), которая предусматривает административную ответственность за коррупционным правонарушением.

Ю.И. Воронина выделяет следующие проблемы реализации антикоррупционной экспертизы:

1. Законодательство о антикоррупционных экспертизах прямо не предусматривает проверку нормативно-правовых актов, а только проектов этих документов.

Вызвано это прежде всего тем, что регулирование антикоррупционного мониторинга происходит и в законах субъектов РФ и не все регионы России закрепляют полное определение антикоррупционной экспертизы, что приводит к такой проблеме.

2. Выводы и заключения антикоррупционных экспертиз носят рекомендательный характер, а не обязательный, что сводит к минимуму смысл введения данного института в антикоррупционной политике.

3. Независимая антикоррупционная экспертиза не является обязательной. Мы считаем, что антикоррупционная экспертиза в большинстве случаев должна быть именно независимой.

Л. Г. Алексеева считает, что все проекты нормативно-правовых актов должны быть подвержены как государственной антикоррупционной экспертизе, так и независимой [4, с. 15]. Также обязательна публикация в сети «Интернет» для всеобщего обсуждения. По нашему мнению, также участие в антикоррупционных экспертизах должны принимать представители общественных организаций и преподаватели учебных заведений – специалисты именно в этой области.

В 2013 г. заместитель министра юстиции А.Д. Алханов отмечал снижение нормативно-правовых актов субъектов РФ, содержащих нормы коррупционной направленности по результатам антикоррупционной экспертизы.

Ранее мы уже обращались к региональному опыту. Так, в Республике Татарстан указывается проблема отсутствия нормативного закрепления проведения антикоррупционной экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов на муниципальном уровне. Данный пробел способствует высокому проценту законов, содержащих коррупционные инструменты.

Однако в данном регионе активно и слажено проводится проверка как нормативно-правовых актов, так и их проектов регионального уровня. Данная антикоррупционная проверка в республике реализуется совместно Министерством юстиции Республики Татарстан и Аппаратом Кабинета Министров Республики Татарстан.

Мы считаем, что меры антикоррупционного характера должны приниматься согласовано на всех уровнях власти: федеральном, региональном и местном.

Обратная положительная тенденция отмечается в г. Набережные Челны. В данном муниципальном образовании высока роль и участие в борьбе с коррупцией антикоррупционной экспертизы. Управлением в данной области занимается созданный в мэрии профильный отдел.

В Воронежской области отмечается высокая роль поддержки и осуществления антикоррупционной экспертизы со стороны Уполномоченного по правам человека Воронежской области.

Таким образом, антикоррупционная экспертиза является относительно новым и также относительно эффективным инструментом противодействия так называемой «легальной» коррупции, т.е. истребление коррупционных инструментов в законодательство.

Относительную эффективность мы обуславливаем слабостью правового регулирования данного института и организационного обеспечения.

В настоящее время данный институт нуждается в дополнительном правовом изменении в части закрепления обязательности заключения экспертов, а также введение дополнительных субъектов проверки – общественно-наблюдательные комиссии и преподаватели-ученые.

Необходима разработка общенационального типового положения о проведении антикоррупционных экспертиз (антикоррупционного мониторинга), в котором будет прописано понятие данной процедуры, его цели, задачи, круг субъектов. Такое положение даст синхронность исполнения регионов по антикоррупционной политике.

Необходимо закрепить в приказе Минюста об аккредитации экспертов антикоррупционной экспертизы положениями о том, что аккредитация распространяется на нормативно-правовые акты субъектов РФ и муниципальных образований, а также на проекты этих документов. Данное нововведение приведет к усилению антикоррупционной экспертизы на местах.

Большая организационная проблема обусловлена слабостью исполнения на местах в регионах и местных образованиях. Кроме того, ученые-юристы выделяют большую проблему нежелания властных лиц изменения выстроившейся системы коррупции, что благодаря их «рычагам воздействия» замедляет влияние и развитие исследуемого нами института противодействия коррупции.

Список использованной литературы:

1. Аверкова В.А., Ремизов Д.Г. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как один из методов борьбы с коррупцией // Теория и практика обеспечения законности и правопорядка в современном обществе: материалы всерос. конф. – 2018. – С. 7-10.

2. Ким А.В. Правовая и антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов и их проектов: к вопросу о соотношении понятий // Административное право и процесс. – 2017. – № 5. – С. 78-82.

3. Шиндяпина Е.Д. и др. Совершенствование правовых и институциональных основ противодействия коррупции в субъектах Российской Федерации // Журнал российского права. – 2013. – № 4 (196). – С. 100-104

4. Алексеева Л.Г. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов // Законность. – 2017. – № 9. – С. 13-17.

ПРАВОВАЯ ПОЗИЦИЯ

Международный научный журнал

Выпуск № 3 / 2023

Подписано в печать 15.03.2023

Рабочая группа по выпуску журнала

Ответственный редактор:

Морозова И.С.

Редактор: Гараничева О.Е.

Верстка: Мищенко П.А.

Издано при поддержке

ГОУ ВПО «Донбасская

аграрная академия»

ГОУ ВПО «Донбасская аграрная академия»

приглашает к сотрудничеству студентов,
магистрантов, аспирантов, докторантов,
а также других лиц, занимающихся научными
исследованиями, опубликовать рукописи
в электронном журнале
«Правовая позиция».

Контакты:

E-mail: donagra@yandex.com

Сайт: <http://donagra.ru>

